

84K237

Ш 17

339492

Сафуан
Шаймерденов

МАРГАУ

САФУАН ШАЙМЕРДЕНОВ

МАРГАУ

П О В Е С Т Ь

Перевод с казахского
Тамары ЗОЛОТУХИНОЙ

АЛМА-АТА «ЖАЛЫН» 1981

Ш17 **Шаймерденов Сафуан.**
Маргау: Повесть. /Пер. с каз. Т. Золотухиной.—
Алма-Ата: Жалын, 1981.— 112 с.

Герой этой книги — добродушный и преданный своему хозяину пастуш-
ий пес — Маргау. Действие повести происходит на горном пастбище и
в городе, куда Маргау попадает вместе со своими друзьями — двумя маль-
чишками, сыновьями чабана.

Каз2

Ш 70303—055
408 (05) 81 266—81—4702230200

© Издательство «Жалын», 1981

74 11
339492

Глава первая

СХВАТКА

Хан-джайляу сегодня мрачен. Окруженный горами, точно сдвинутыми мохнатыми бровями, он весь закрыт пеленой непрестанно сеющего мелкого, как пыль, дождя. И отары нынче рано покинули пастбища, а теперь овцы стурдились за плетнем, все теснее жмутся друг к другу. У входа в юрту примостился громадный черный пес с белой мордой. Взгляд его прикован к дверям юрты. Ведь огонь, который разжигают обычно в очаге на открытом воздухе, сегодня перекочевал под войлочный купол в чрево железной печки. В казане, булькая, варится свежая баранина, источая аромат, который, смешиваясь с кислотоватым запахом мокрой овечьей шерсти, шкочет ноздри собаки. Но черный пес спокоен — хозяин бросил ему овечьи потроха: «На, Маргау, ты это заслужил!»

Черный пес привык к тому, что слово «Маргау» с самого его щенячьего детства сопровождалось чем-то приятным, — чаще всего куском мяса. «Маргау, Маргау, на, на! Кя-кя! Маргау, айт, Маргау, ату!» — Эти несложные слова он хорошо усвоил. Стоит хозяину произнести «Маргау», как черный пес, виляя хвостом, мгновенно оказывается рядом, с готовностью заглядывая в глаза: «Ну, что при~~е~~жешь? Или дать что-нибудь хочешь?»

Все, кто живет в этой юрте, имеют свои имена. Хозяина ее — худошавого, чуть сутуловатого человека с редкими усами на очень смуглом лице, люди окликают «Лезбай» или «Леке». А хозяйка зовет его «Эй», «Ой», «Этот», тогда же, когда бывает в хорошем настроении, — «хозяин нашего дома!» Дети, плачут ли они или радуются, все равно называют хозяина «аке!»¹. Маргау любит это слово, он даже иногда путает его с «кя-кя» («на-на!»)

Детей в этой юрте трое: старший — Канат, давно стал, как здесь говорят, ученым, женился, живет в Алма-Ате. Он очень важный, в одном из институтов руководит ответственным делом. Дабыр и Адыр — совсем маленькие. Говорят, после Каната до Дабыра и Адыра рождались еще дети, но им не суждено было выжить — умерли совсем маленькими. Иной раз, утомившись, пригонит Лезбай отару, вздохнет с горечью и скажет Маргау: «Вот вырос Канат, своей живет семьей, а эти — малы еще. Будь живы Кошен с Есеном, не было бы мне так одиноко. Один ты — утеха моей души», — и ласково гладит Маргау по голове, а черный пес виляет хвостом от удовольствия. Канат и впрямь живет далеко, и наезжает к ним редко. А вот Дабыр и Адыр — всегда перед глазами. Маргау с ними на равных — и позабавиться можно, а если захочет полакомиться кусочком хлеба с маслом или еще чем-нибудь, то не станет церемониться, живо выхватит из рук у мальчишек. Если же это не удастся, зарычит — «р-р-р!», а малыши понимают по-своему: «Видишь, он зовет Дабыр-р-р!», «Нет, — спорит другой, — не меня он зовет, а тебя — Адыр-р-р!», и оба отдают псу все, что у них есть, стараясь опередить друг друга.

Жена хозяина — высокая, стройная. У нее матово-белое красивое лицо. Особенно хороши глаза. Когда она

---

¹ А к е (каз.) — папа.

даже заметно улыбнется, ее большие черные глаза становятся загадочными. Эту таинственную улыбку Маргау тоже знает: после нее уставший Лезбай сразу светлеет лицом, добреет. Да, красивая Умсундык, с посторонними людьми всегда приветлива и вообще спокойного нрава. Какой бы сердитый и хмурый человек ни прискакал к ним, как бы ни супил брови — из дома он таким не выходил — черный пес с белой мордой еще этого ни разу не видел.

Любопытно — двое в их доме называют ее Умсундык и только маленький Адыр «тате»¹. Ведь Умсундык — мачеха. Родная же мать, Айган, умерла осенью позапрошлого года, а спустя некоторое время в дом вошла Умсундык. И сразу все переменялось. Постель Айган она куда-то отправила. А в доме появились зеленые и красные одеяла, подушки, а с ними какие-то непонятные Маргау запахи. И порядок стал в доме. Не нахвалятся соседи: Умсундык пылинке не даст пристать. А детки, даром что не родные, смотри, какие чистенькие, ухоженные. Картинка, да и только!

Конечно, Маргау не всегда понимал смысл сказанного, но его собачье чутье не упускало ни одной интонации в настроении людей — они были веселы, добры, значит, это хорошие слова.

Еще одна перемена — другие люди теперь в дом приходили: реже гостевали бородатые старики и старухи в белых жаулыках², зато все чаще вместо них Маргау видел женщин в коротких платьях с голыми ногами и руками. Им нипочем — день ли, ночь ли, дома Лезбай или нет. Приходят, уходят. Маргау никак не может к ним привыкнуть, с рычанием кидается навстречу. В таких случаях Умсундык волнуется больше всех.

— Привяжи же ты, наконец, собаку! Не натворила бы бед! — требовательно настаивает она.

---

¹ Т а т е — мама.

² Ж а у л ы к — женский головной убор.

Раньше, когда жива была Айган, Маргау любил иногда зайти в дом и лечь у порога. Ему разрешалось. Теперь это баловство ушло навсегда вместе с Айган.

— Это что за кошмар, собака повадилась в дом. Осквернит же все, посуду опоганит, выведи ее немедленно!— приказывает Умсундык.

— В этом доме все трудятся, прежде всего я, а потом Маргау. Пусть лежит, что тебе,— добродушно отвечает хозяин.

После ласковых слов Лезбая Маргау вытягивает передние лапы, кладет на них морду и лежит, не сводя преданных глаз с хозяина. Он, словно тамырши¹, чутко улавливает пульс и у домашнего очага, и за юртой.

Умсундык прячет привычную улыбку и, вскинув черные брови, бросает, точно камень, тяжкие слова:

— Ау, глава нашего дома, я вам говорю, или не слышите? В таком случае уйду я.

Лезбая поведение жены раздражает. Он хмурится, однако соглашается:

— Ладно, ладно, уйдет собака,— и, взяв кусок побольше, бросает за дверь:— На, Маргау, поди гуляй!

Любит Лезбай Маргау и Маргау предан ему.

А Умсундык? И она хорошо знает, какова нелегкая доля Маргау в чабанской жизни. Потому-то никогда не забывает его накормить. Даже когда возвращается из гостей— ее первый вопрос: покормили собаку? И чем бы ни была она занята, всегда напомним детям: «Эй, дети, Маргау-то проголодался, налейте ему чего-нибудь в миску». Особенно заботлива она, когда Лезбая нет, когда пасет он овец. То и дело подзывает к себе Маргау, старается не отпускать далеко. И Маргау не против. Пожалуй, ему нравится это. Бывает, полеживает в несклокких шагах от Умсундык, повиливает хвостом, уставится ей в глаза: «Ну, приказывай, какую службу сослужить? От кого защитить?»

---

¹ Тамырши — народный лекарь.

Однажды в доме чабана собрались его друзья. Один из них — ровесник Лезбая Кенеш. Раньше он заигрывал с Айган по праву сверстника, обнимал, шутил. И когда по старой привычке полез обнимать Умсундык, приговаривая: «Иди-ка поближе, а то у Лезбая, небось, и силенок не осталось», Маргау неожиданно сорвался с места и чуть не задрал Кенеша. Даже приказ Лезбая: «Пошел вон, никто не угрожает Умсундык!» не успокоил Маргау, и он то и дело оглашал лаем своим все вокруг, пока гости не уехали. С тех пор, как только приезжают люди, Умсундык начинает беспокойно суетиться: «Да уйми ты этого пса!»

Лезбай — чабан опытный, умелый. Почти ежегодно получает премии. Но имя его в числе передовиков называют не всегда. Чтобы называли чаще, надо, наверное, на глазах у начальства больше вертеться, ни в чем не перечить. Если кто из района заявит к нему, — встретит хорошо, сделает все, что в его силах. Но ни к кому не ездит, просьбами никого не утруждает. Покойная Айган хныкала:

— Что же ты не пойдешь, не попросишь толком? Может, отметят и на этот раз.

Ответ Лезбая был краток:

— Дело же ясное, сами все должны знать, зачем надоедать?

— Бедолага ты мой, со своим «сами все должны знать» недополучаешь положенного!

— А чего недополучил? Все у меня есть, все как надо!

Но Айган не унималась:

— Вон гляди, у этого Бузаубая показатели не лучше, а стал в передовиках ходить!

— В прошлом году нас тоже премировали. Вон тот ковер на стенке откуда взялся?

— Знаю, как ты его получал. Помню, как Каргабек вопил: «Это не Лезбаю, а его псу премия!»

Лезбай соглашался:

— А вообще-то прав Каргабек. В той премии есть, конечно, доля Маргау.

Супруги спорили так частенько, и странно, Лезбай отвечал на попреки Айган, глядя не на нее, а на собаку. Может поэтому Маргау словно понимал, о чем речь, вилял себе хвостом, польщенный похвалой хозяйина.

Маргау все больше становился знаменит в округе. Немало людей не прочь были заполучить его. Находились даже такие, которые предлагали Лезбаю: «Продай собаку, дам корову с теленком».

— Берите, что хотите, но собаку и жену не просите. Все равно не дам, — отшучивался он.

Летом на Хан-джайляу скапливается множество овец, набегает полно собак. Иные люди не прочь потешить себя собачьей дракой. И тогда-то уже ни одна собака не в силах соперничать с Маргау. Самые злющие псы, стоит им увидеть Маргау, обойдут вокруг него разок-другой и, обнюхав, отходят в сторонку. Маргау, не трогаясь с места, гордо вытягивает шею вперед, как бы призывает: «Чего рычать друг на друга, чего лезть на рожон? Лучше подумайте, что вас ждет». Если же кто из его четвероногих собратьев не внемлет этому, Маргау, подойдя к задире, с силой толкает грудью. Забияке этого вполне достаточно, он, виновато взвизгнув, поджимает хвост и бросается наутек. Голос Лезбая звенит тогда от гордости:

— Давай сюда приз!

— Собаки не дрались, какой тебе приз?

— Твоя собака дважды перевернулась. Мало этого? — Лезбай хохочет, довольный, — мой псс не собак берет, а волков...

Вот такая собака у Лезбая.

Маргау вдруг задрал морду и принялся: к прежним запахам прибавился еще какой-то посторонний.

Пес повернул морду по ветру, шерсть у него встала дыбом, коротко взвыл и умолк. Это он предупредил:

«Берегитесь, надвигается чужой запах». Всю округу заполнил запах бензина.

Маргау вскочил. Глядя в сторону дороги, несколько раз гулко пролаял: «Не приближайтесь! Здесь — Я!»

Но домашние истолковали это на свой лад.

— Пес лает, видно, приехали!

С этими словами Лезбай вышел из дому, за ним выбежала Умсундык.

Внизу на косогоре показался грузовик. Донесся гул мотора. Маргау рванулся с места и помчался навстречу.

— Маргау! Назад! — сердито позвал хозяин.

Умсундык суетилась:

— Привяжи, а то укусит кого-нибудь.

Черный пес с белой мордой в такие минуты не понимает, кто и зачем пришел. Чуть что — «Назад!» Обескураженный Маргау поплелся и лег у ног хозяина.

Вскоре и машина подошла. Из кабины вылез парень среднего роста, полный, со смуглым лицом. Идет, переваливается, будто кожаный мешок. Лезбай поспешил к нему, протянул руку:

— Заходите. Весть пришла, правда, с опозданием. Но все готово, ждем.

Парень в ответ холодно пожал руку, едва шевельнул губами. Что он сказал, не услышал даже чуткий Маргау.

Стоявшая позади Умсундык держалась очень свободно.

— О, кайным¹, что это не показываешься в наших краях? Или совсем забыл о своем дядюшке? — Она с улыбкой переводила взгляд то на мужа, то на гостя. — Услышал Лезбай о твоём приезде, совсем покой потерял: «Вскипяти чаю, свари мяса». И чего, спрашивается, так переживает?

— Спокойней, спокойней, байбише². — Лезбаю показало, что женахватила через край

---

¹ К а й н ы м — младший брат мужа или его дальний родственник.

² Б а й б и ш е — хозяйка.

Смуглый джигит круто повернулся. Сделал шаг вперед, улыбнулся Умсундык:

— Не сердитесь, тетушка. Теперь будем приезжать так, чтобы след коня не остывал.

— Вот это другое дело. А то за провинность твою пришлось бы отдать и коня и чапан по древнему обычаю.

— Ладно, иди в дом, готовь дастархан, — недовольно сказал Лезбай.

Умсундык бросила кокетливый взгляд на гостя и, еле слышно вздохнув, направилась в дом.

Маргау хорошо знает и этого смуглого. Каргабек, который всегда упрекает Лезбая в чем-то, говорит с ним резко. Раньше, когда жива была Айган, он приезжал раз или два в год и опять исчезал надолго. С тех пор, как появилась Умсундык, зачастую к ним. И все же она недовольна. Но, конечно, все это Маргау понять трудно.

— Когда переедешь на новое место?

— Тебя ждем, Кареке².

— А чего ждать, готовился бы. Вечно вы ждете, когда вам разжуют и в рот положат.

Чабан не нашелся, что ответить. Не любит Маргау этого надутого толстяка, который все время ворчит на Лезбая. Вскочить бы и клыками в ляжку. «Ты с кем и как разговариваешь?» Маргау даже зарычал. Глаза пса были красные, полные злобы.

— Какой у этого черта дикий взгляд. Убери его.

Лезбай взялся за ошейник:

— Он знает тех, кто бывает у нас, не кусает.

— Это еще как сказать. С доброго телка вымахал, чтоб ему пропасть!

Лезбай рассмеялся.

Из дома раздался голос Умсундык:

— Я же говорила: привяжи. Искалечить может.

---

¹ Кареке — уважительное от Каргабек.

Лезбай повел собаку в овечий загон, привязал и вернулся к гостю.

— Ну, проходите.

Каргабек повернулся к машине:

— Ау, чего вы не вылезаете?

Двое юношей, сидевших в кузове, прыгнули на землю.

Каргабек представил их:

— Это — мой зять, а это — племянник. Учатся в Алма-Ате. На каникулы приехали. Нарочно с собой взял, говорю: посмотрите наши джайляу.

— О, добро пожаловать! Нет лучшего отдыха, чем на джайляу.

— Баспай, — назвал себя парень с длинной шеей и глубоко сидящими глазами.

— Таспай, — представился второй, невысокий, рыжеватый.

— Идемте в дом, — пригласил Лезбай.

— Пожалуйста, пожалуйста, — послышался звонкий голос Умсундык. — Собаку-то привязал? Душу он готов отдать за своего пса.

— Ох и псина! Видно, волков берет? — восхитился Таспай.

— Что там волк! — горделиво сказал Лезбай. — Тигра может взять. В прошлом году Маргау один попал в стаю волков и то отбил.

Зазвенели рюмки, Маргау услышал еще один противный запах — водка. Разговор пошел оживленной. Словно колокольчик, позванивал голосок Умсундык:

— Бери же, кайным! Бери! Плохой джигит, говорят, половину оставляет в блюде... Мясо очень нежное, ягненок!

— Поднимите и вы свой стакан, женеше...

— Женеше твоя давно выпила, ты не упускай свой черед.

Резко прозвучал голос Каргабека:

— Она у нас такая, женеше. Жаль только, за старич-

ком замужем, а так — во парень! Давайте выпьем за здоровье женеше!..

— Ну, поехали!..

Вновь раздался звон рюмок. Маргау, волоча веревку, перешел на другое место и прилег. Отсюда, из-под ссохшегося пыльного войлочного полога, ему видны сидящие в юрте: Лезбай как бы в стороне. На торе, почетном месте, двое молодых гостей. Справа полулежит на правом боку Каргабек. Рядом с ним сидит Умсундык. Она, помешивая, разливает сорпу. Ребятишки вертятся у казана, старший что-то с аппетитом ест, Адыр, похоже, засыпает.

Водка развязала язык долговязому гостю.

— Кареке, вы говорите «старик». Лекен еще мужчина что надо.— Он ухмыльнулся, явно предвкушая скандал.

— Ну, как не назвать его стариком, если тянешь вперед, а он артачится? Упрется всеми четырьмя ногами, и ни тпру, ни ну.

— Что значит четырьмя ногами?— вмешался рыжий паренек.— Это же человек. Двумя ногами — другое дело. Четыре лапы только у животных бывает.

— Ох, и хитер же этот Таспай,— сказала Умсундык с ноткой обиды в голосе.— Каргабек верно говорит. Наш Лекен, святая душа, тяжел на подъем.

Каргабек разгорячился:

— Другие дают обещания, берут обязательства получить по сто пятьдесят ягнят, по сто шестьдесят семь, по сто восемьдесят... А этот старик упрется и ни в какую: «баш на баш», от сотни — сотню...

— Это ведь тоже немалый труд, к голове прибавить голу,— заключил разговор Лезбай.

Каргабек нахмурился:

— Вот-вот, я же говорю. Ты, старик, прежде всего перестань пялиться, как рак. Избавишься от этой привячки — получишь и по сто шестьдесят и даже по сто восемьдесят.

Лезбай не любил бахвальства и пошел напролом:

— Как же я получу? Летом — то жара, то холод, зимой — то снег по колено, то гололед. И падеж бывает, и волки нападают. Как же я получу?

— А другие как?

— Об этом ты у меня не спрашивай. Оба мы прекрасно знаем, как другие получают. Такие показатели мне не нужны.

Каргабек задумался.

Маргау, наверное, остался доволен тем, что хозяин одержал верх — противник умолк. Подняв морду к небу, пес дважды гавкнул и опять затих. •

Умсундык подвинулась к мужу.

— Ох, и привычка у тебя: выпьешь и затеваешь со всеми спор. Лучше предложил бы чего еще гостям.

Лезбай понял, что хватил лишку и как-то странно рассмеялся.

— А ведь и вправду так... Ну, давайте выпьем за здоровье моих молодых гостей.

Маргау издал звук, похожий на стон, зевнул: и чего это люди пристрастились к этой вонючей гадости? Пить, есть — это ясно. Воду пьют, чтобы жажду утолить. А какая польза от этой дряни? Сам Маргау в рот ее никогда не брал...

Маргау долго лежал неподвижно.

Вдруг затрещало что-то. Это, оказывается, Таспай крутит ручку радиоприемника.

— Эй, племянник, оставь радио, иди сюда. Песни будем петь, — позвал Каргабек.

— Вот это здорово! — вспыхнула Умсундык. — И впрямую, так редко встречаемся, давайте повеселимся.

— Эй, дети, — повысил голос Каргабек, — знаете, как ваша Умсундык-женге поет?

Умсундык лукаво взглянула на мужа:

— Какой уж там голос!

— Спойте, спойте нам.

Лезбай пояснил:

— Ваша женге раньше участвовала в этой... как се...

— Самодеятельности. Народной самодеятельности,— подсказал Таспай.

— Да, да! Не раз премии получала.

— Голос у нашей Умсундык ничуть не хуже, чем у Бибигуль Тулегеновой, Лекен знает дело, не зря на другую не позарился.

Лезбай удовлетворенно хмыкнул:

— Это верно, приезжала сюда с самодеятельностью, вот и приглянулась.

— Ну, старик мой что-то расхрабрился после молока от бешеной коровки!

— Свои счета без нас будете сводить. Ну, спой, зачем, думаешь, приехали из такой дали? Чтоб твой голос послушать. Мясо и водка нашлись бы и у других чабанов,— настаивал Каргабек.

— Что же, раз просит кайным, спою. Так уж и быть. Не судите строго.

Умсундык взяла в руки блюдце. Голос у нее и в самом деле оказался чистым и звонким. Поднеся блюдце ко рту, как резонатор, она затянула протяжную, печальную народную песню:

Словно цветок яблони,
Словно узор текемета,
Проходит жизнь,
Не приметная ни для кого.

Гости были в восторге. Каргабек вздохнул:

Да, проходит, проходит, не приметная ни для кого. Ну, давайте за прекрасный голос нашей женеше.

Лезбай заглянул в рюмки и обнаружил, что они пусты.

— Неужели вся водка? Умсундык, есть где-нибудь в запасае, принеси.

— Чего нести, если нет. Когда в тот раз приезжала автолавка, говорила тебе — возьми побольше. Так ты заупрявился. Ну, вот ищи теперь сам.

— Эй, старик, что ж ты так? — Каргабек с издевкой

смотрел на Лезбая.— Обеднел бы от лишней бутылки? Может, денег не хватает? Я дам тебе.

— Надо же, а? Вроде как должно было хватить. Сейчас поспеваю в магазин.

Каргабек откинулся на подушку:

— На коне — уйму времени отнимет. Садись на машину. Туда и обратно — полтора часа. Если удержишь-ся хоть на одну минуту, переберемся к твоему соседу.

— Надо же, а?— и с этими словами Лезбай сел в машину. Маргау рванулся было за ним, тявкнул и замолчал.

Лезбай помахал рукой из машины:

— Я уеду, ты убежишь, кто же за овцами присмотрит? Скоро вернусь. Лежи на месте.

Маргау будто понял эти слова. Не стал скулить.

Моросил тихий, мелкий дождь. Овцы в загоне стояли спокойно. Свежий ветер с гор доносил какие-то запахи, звуки. Вот с грохотом свалился в ущелье камень. Вот пробежал быстроногий, как ветер, зверь. Где-то завыл волк. Зашумели кроны деревьев.

Открылась дверь юрты, вышли наружу Баспай и Таспай. Маргау хотел кинуться к ним, но ничем не грозили эти покачивающиеся на неверных ногах парни. И все же пес следил за каждым их движением.

— Какая тишина! Какой воздух!— Баспай прищелкнул языком и потянулся.— Ни единого звука!

Если бы Маргау мог, он наверняка рассмеялся бы: «Болтайте! Все вокруг полно запахов, звуков». И он лишь заворчал.

Парни насторожились.

— Ой, оказывается, собака тут!

Отойдя в сторону, они направились к реке.

Умсундык вышла их проводить.

— Шоосторожней, собака у нас злая.

Взгляд Маргау снова проник в дом. Дети, за целый

день набегавшись, поев мяса и горячей сорпы, уснули там, где и сидели. Каргабек полулежал теперь на левом боку. Умсундык отодвинула дастархан и села, касаясь коленями его колен.

— Не выпьешь ли еще сорпы, кайным?

Маргау заметил, что рука Каргабека легла на поясницу Умсундык.

— Пусть хоть яду нальет такая женеше, кайны не испугается. Выпьет,— сказал он и привлек ее к себе.

У каждой собаки еще с древнейших времен есть это — умереть, но не дать хозяина в обиду. Маргау, хотя и не понимал человеческой речи, не мог допустить, чтобы Умсундык, которая каждый день давала ему еду, подчинилась Каргабеку. Маргау нестово залаял.

— Кажется, Лезбай,— Умсундык выскочила во двор. Нет, машины не было. В низине, куда поехал Лезбай, ни души.

— Чего разгавкался! Лежи смирно!— прикрикнула Умсундык и, помешкав немного, вошла в дом.

— Никого не видно.

— А чего пес гавкал?— голос Каргабека дрогнул.

— У него спроси!— ответила Умсундык игриво.

Каргабек рассмеялся и притянул женщину к себе.

Пес опять яростно залаял, рванулся раз-другой и вырвал из земли колышек, к которому был привязан. Подбежав к дому, стал царапать в дверь.

Умсундык, зная, как легко Маргау может проникнуть внутрь, завизжала:

— Ойбай, Каргабек! Собака отвязалась, загрызет.

Но Каргабек не желал ничего слушать:

— И хорошо, что отвязалась.

Услышав визг Умсундык, собака окончательно убедилась в том, что чужой человек обижает хозяйку, нащупала наконец передней лапой защелку, откинула ее и набросилась на Каргабека.

Тот, похоже, только теперь пришел в себя.

— Ах, чтоб были прокляты твои предки! Вон отсюда!

И Умсундык тоже завопила:

— Маргау! Маргау, уходи отсюда!

Но Маргау не слушался. Он всадил клыки в жирное тело Каргабека и с силой тряхнул его раза два. Каргабек был напуган до смерти. Размахивая руками, он колотил пса кулаками по глазам, по морде...

Покатившись клубком, пес и человек оказались у двери. Со звоном рухнула посуда, проснулись ребятишки, заплакали. Одежда Каргабека была вся в крови. Улучив момент, Умсундык ухватила пса за ошейник. Почувствовав свободу, Каргабек бросился к двери. Маргау рванулся вслед, волоча за собой Умсундык, которая крепко держалась за ошейник. Каргабек убежал куда глаза глядят. Собака с рычанием бросилась за ним, но какой бы сильной она ни была, легко ли волочить за собой по земле человека? Умсундык показалась тяжелей камня, и Маргау залаял: «Отпусти немедленно! Иначе тебя тоже задеру!» Но женщина скорее готова была умереть, чем отпустить. Поняв, что Каргабек может удрать, пес бросился на хозяйку и цапнул ее руку. Намертво сцепившиеся пальцы разжались. Маргау пустился за беглецом. И тут у калитки остановилась машина, из кабины выскокил Лезбай.

— Маргау, назад! Маргау!

Услышав голос хозяина, Маргау остановился как вкопанный.

— Взбесилась собака, ни с того ни с сего взбесилась, — истерически кричала Умсундык. — Видишь, и меня искусала. Чего стоишь? Верни пса на место!

Лезбай схватил пса за ошейник.

Маргау гулко пролаял: «Не я же виноват. Они виноваты. Хотели посмеяться над тобой, а я не вытерпел».

— Ойбай, старик мой, гляди, чтобы тебя тоже не укусил. Ни с того ни с сего взбесился!..

Прихрамывая, возвратился Каргабек. Маргау снова бросился к нему. Лезбай уперся в землю ногами, но пес и его протащил несколько шагов.

— Взбесилась твоя собака! Немедленно прикончи ее, слышишь?— орал Каргабек.

— Ничего не понимаю,— Лезбай с недоумением глядел то на полуодетую жену, то на Каргабека.

— Чего тут не понимать? Вышел по нужде, а он как набросится!

Маргау вновь залаял, словно опровергая: «Вранье сплошное все, что он говорит!»

Каргабек был вне себя от ярости. Он схватил лежащую перед юртой деревянную ступу и кинулся к собаке.

— Прикончишь ты эту псину или нет?

Лезбай будто сердцем почувствовал неладное, его всего затрясло от гнева.

— А если нет, что ты сделаешь?

— Ну тогда пусть получает!— и с размаху ударил ступой собаку, рванувшуюся из рук.

Маргау завыл. Лезбай схватил Каргабека за руки.

— Нарочно отпустил собаку, когда уезжал. Опозорить меня решил, да?..

Такой клеветы Лезбай не мог вынести.

— Ах вот как!— хозяин двинул кулачищем в ухо Каргабеку.

Тот отлетел в сторону.

— Погоди, старый хрыч. Я тебе покажу, как собаку на меня спускать!— Каргабек распахнул дверцу машины.— Эй, парни, поехали!.. В милицию!

Прибывавшие на шум спутники Каргабека ничего не поняли. «Что случилось, что случилось?»— повторяли они, садясь в тронувшуюся с места машину.

Никто в доме Лезбая не мог уснуть, пока не перевалило за полночь.

— Убей эту бешеную собаку!— умоляла Умсундык.— Видишь, что она с моей рукой сделала?

И впрямь: на левом запястье ее была кровь и след укуса.

— Правду говорят, что бешеная собака хозяина кусает.

— Если она взбесилась, почему на меня не кинутась? Крикнул: «Назад!»— послушалась ведь,— не поддался Лезбай.

Дети тоже шумели:

— Маргау не бешеный!

— Врет она все!

— А вам откуда знать, сидите и помалкивайте!— прикрикнула на них Умсундык.

— Я видел. Вот тот дядька схватил ее и повалил. Маргау и разозлился. Я тоже боялся, что дядька задавит тетю, убьет,— вмешался Адыр.

Умсундык взвизгнула.

— Где это видно, чтоб человека ни с того ни с сего убивали?! Не я ли, наоборот, схватила пса за ошейник, и то он проволок меня до двери, по земле.

— Хватит!— недовольно перебил Лезбай.— По вашим словам выходит, что все произошло в доме. А Каргабек сказал, будто собака напала на него, когда он на двор вышел?

Умсундык ловко вывернулась.

— Он у загона на него напал. Каргабек, чтоб спастись, прибежал в дом.

Лезбай промолчал, искоса взглянул на Дабыра с неммым укором: «Ты же в этом доме после меня самый разумный. Что скажешь?»

— Я подошел к Маргау, он положил голову мне на ноги и так жалобно застонал,— пробубнил мальчик, уклоняясь от ответа.

Адыр заспорил:

— У Маргау из глаз слезы текли.

Умсундык почувствовала себя увереннее.

— Не прикончишь сейчас, завтра из района приедут и пристрелят. А то заберут проверять на бешенство.

Дабыр и Адыр заныли:

— Не дадим стрелять!

— Ляжем сверху и будем лежать!

— Правильно говорит Адыр. Никому не отдадим Маргау, — поддержал их Лезбай.

Уже далеко за полночь все наконец уснули. Один лишь Маргау не спал. Долго лизал рану, пока кровь не остановилась. Непонятно отчего, хотелось выть. Тянет морду кверху, но нет сил. Что-то с ним не все в порядке. К тому же хозяину не нравится, когда он воет...

Айган долго болела. На короткое время вставала на ноги, хлопотала по дому, а потом опять ложилась в постель и надолго. Приезжали люди в белых халатах и увозили ее на несколько месяцев. В отсутствие Айган и детям, и Лезбаю становилось худо. Не лучше было и Маргау, привыкшему кормиться и пить из рук Айган. Им овладевало беспокойство. Может, от этой самой тоски, кто знает — он подолгу выл, задрав морду к небам. А за три дня до смерти Айган тоска и вовсе завладела всем его существом. Он уселся на вершине холма неподалеку от дома и выл дни и ночи напролет. Из дому выскакивал Лезбай и сердито кричал: «О, чтоб на твою голову свалилась та беда, которую ты кличешь! Пошел!» Но и это не могло остановить Маргау. Через три дня Айган умерла. Маргау провел ту долгую ночь без единого звука и движения, обессиленный, в полном изнеможении.

— Собака всегда чует беду, — шумели люди. — Сегодня даже голоса не подает.

И вот будто снова напала та болезнь: грудь распирает тоска.

Вдруг опять все вокруг заполнил запах бензина. Маргау бросило в дрожь, он знал: запах этот не к добру. Он издал жалкий звук, похожий на всхлип ребенка, уставшего от долгого плача, и, волоча ногу, побрел к речке за домом. В низине сверкнули фары, донесся гул мотора. Ночная тишина была разбужена.

За свою короткую жизнь Маргау уже понял, что такая схватка не останется без последствий. По крутому склону он осторожно спустился к реке, скользя от камня

к камню, присел, опустив ногу в быстрые прозрачные струи. Почувствовав жажду, он стал жадно лакать, шлепая языком по воде. Свет приближающейся машины и нарастающий с каждой минутой гул мотора тревожил его. Маргау ступил шаг, другой, и ему показалось, что раненой ноге стало полегче. Посмотрел на другой берег — вот он рядом, рукой подать. Река неглубокая. Можно даже не опираться на/ больную ногу, а переплыть, работая передними лапами. С этим намерением Маргау и двинулся вперед...

Легковая машина остановилась у дома. Двое пересекли лучи света от фар и темными силуэтами направились к дому. Маргау сразу узнал их: те же, что приезжали за Айган.

С ружьем в руке из юрты выскочил Лезбай:

— Эй! Кто там?

— А, сам герой! Что же ты отдаешь людей собаке на растерзание?

Лезбай растерянно молчал.

— Ладно, ладно, знаем мы, что ты скажешь. Поехали в район, там разберемся. А где бешеная собака?

Слова «бешеная собака», много раз повторяемые сегодня, видимо, запечатлелись в памяти Маргау. Перед глазами возник Каргабек со ступой в руке и вопящая Умсундык. Маргау, волоча ногу, перебрался через речку и вошел в густой тальник на крутом яру.

— Я спрашиваю, где бешеная собака?— Голос стал строже, настойчивее.

— В нашем доме нет такой собаки.

— А если не бешеная, стала бы она кусать человека?

В это время, чуть ли не причитая, из дому выбежала Умсундык.

— Ох, неправду он говорит, что собака не бешеная. Она волков берет, вот он и скрывает, боится, что застрелите. Если не бешеная, разве стала бы кусать меня — я ведь каждый день ее кормлю. Вот, посмотрите,— Умсундык подставила руку под луч от фары.

Женщина в белом халате и мужчина в милицейской форме склонились над ней.

— Ужас, какой укус!

— Давай, ищи собаку, Лезбай!

— Маргау, Маргау! На, на!— кричала Умсундык.

А Маргау все дальше уползал в тальник.

Милиционер включил карманный фонарик и, шаря лучом света по дороге, тоже позвал:

— Маргау, Маргау!

— Если сам хозяин не позовет, не придет он. Зови его, Лезбай,— кричала Умсундык.

— Ты же говоришь: бешеная. А какая может быть хитрость у бешеной собаки?— осадил он жену.

— Хватит препираться. Давай сюда псину! Иначе...— пригрозил милиционер.

Кажется, Лезбай понял, что Маргау им не найти.

— Нет собаки.

— Куда же она делась?

Ответ Лезбая был краток:

— Пристрелил ее.

— Неправду говорит,— опять закричала Умсундык.

Видя, что толку не будет, милиционер обошел вокруг дома:

— Маргау, на, на!

Но Маргау исчез.

Стало светать. Женщина в белом халате сделала укол Умсундык. И объяснила:

— Остальные тридцать девять сделают в районе, приезжать будете каждый день.

— А ты, Лезбай, поедешь с нами. Вот акт, подписанный тремя свидетелями. Так что напрасно не влиять!— твердо произнес милиционер.

Лезбай покорно пошел впереди. Вскоре черная машина, перепоясанная красной полосой, развернулась и помчала по дороге.

Маргау понял это и застонал, завыл. Долго еще над рекой плыли страшные, рвущие душу звуки.

СЛЕДЫ ПРОШЛЫХ ДНЕЙ

Однажды ночью, лет пять тому назад, на отару Лезбая напали волки.

Айган опять слегла. И днем и ночью в леденящую февральскую стужу за овцами ухаживал один Лезбай. Он долго ходил вокруг загона, обложенного снаружи овечьим пометом, а потом зашел домой погреться. Подложил угля в железную печку, плававшую посреди юрты, укутал потеплее ребят, раскрывшихся во сне. Только пригубил он из пиалы горячего чая, как услышал странный шум в загоне. Прибежав туда, увидел, как перепрыгнувший через дувал черноухий волк хозяйничает там вовсю. Движения зверя были точны и стремительны. Он молниеносно выбирал себе жертву среди сбившихся в углу овец и перекусывал ей горло.

Испугавшись человека, волк одним прыжком вымакнул из кошары. Лезбай огляделся: пять овец дергались в предсмертных судорогах.

— Где же Актос? Почему даже звука не подает?— удивился Лезбай.

Хотя на отару напал всего один волк, подошли они сюда, видимо, стаяй. Это Лезбай понял на следующий день. В отдалении от кошары увидел следы отчаянной борьбы, и ему стало ясно, что Актос теперь не вернется.

После этого случая Лезбай наказал сыну, который только что окончил институт и устраивался на работу в Алма-Ате: любимым путем найди такую собаку, чтобы присматривала за скотом. Заплати, сколько бы ни просили.

Канат встревожился не на шутку. Он тут же отправился на собачий базар. Собаки были всякие: куцые, с отвисшей губой, мохнатые, беспрестанно лающие и важно молчащие,— словом, на самый привередливый вкус.

В стороне от всех стояла рыжеватая собака с белой шеей и узкой мордой, шерсть на груди, как шуба у вер-

блюда, до самой земли. Возможно потому, что тело было у нее длинное и густо покрыто шерстью, голова казалось очень уж маленькой. Хозяин объявил:

— Шотландская овчарка колли, завезена в Россию с незапамятных времен. В годы русско-японской войны несла санитарную службу. С 1952 года на Дальнем Востоке в оленеводческих совхозах колли используют как пастухов, так как эта порода очень чутка к хищникам и ее сторожевые качества славятся. Шотландская овчарка получает все большее распространение и в животноводческих районах Казахстана.

Последние слова сразу же вызвали у Каната симпатию к рыжей собаке.

— Овчарка, говорите... А волков берет?

— Еще как! Ни один серый не устоит.

Кто-то потянул Каната за рукав.

— Тебе нужен настоящий волкодав?

— Да.

— Тогда лучше этой не найдешь. Кавказская овчарка.

Его перебил другой:

— Что твоя кавказская овчарка по сравнению с восточноевропейской!

— Истинный волкодав — азиатская овчарка!

— И все-таки ни одна не сравнится с немецкой!

Хозяева собак горячились в споре, и Канат растерялся: какую же овчарку ему предпочесть? Пожилой человек в зеленой шляпе, молча наблюдавший за этой сценой, подошел к нему:

— Вам для чего собака нужна?

Канат рассказал о просьбе отца.

— Раз так, не берите ни одну из них.

— Почему?

— Потому что у взрослой собаки уже сложился характер, установились привычки. Она с трудом привыкает к новой обстановке. Если хотите, чтобы собака стала настоящим другом чабану, возьмите щенка и вырастите.

— А где же я возьму щенка?

— Поставите магарыч — я помогу.

Канат с подозрением взглянул на собеседника: шляпа мятая, старенькое пальто в пятнах. Очевидно, что помимо прямого своего назначения, оно использовалось еще и как одеяло. Под тусклыми глазами — мешки. Пальцы, с взевшейся угольной пылью в порах, дрожат. Видимо, напился вчера до беспамятства. А говорит толково.

Мужчина в зеленой шляпе, будто угадав его мысли, повторил:

— Правду говорю, отец всю жизнь будет благодарить.

Старик пошел впереди, Канат за ним.

— Каждый хвалит своего пса. А ты видел монгольскую собаку или королевского дога?

— Я вообще мало сведущ в собаках.

— Тогда слушай: есть на свете две исключительные породы собак. Одна из них — дог, другая — монгольская овчарка. По силе, по телосложению и по красоте дог занимает первое место. Его предки восходят к тому псу, которого древние греки использовали в сражениях. Позже дог стал нести сторожевую службу. Было время, когда графы в Европе брали его на охоту на кабана или медведя. Но так как из-за красоты дога с давних времен больше держали дома, пестовали, то он превратился в домашнюю собаку. Шерсть стала гладкой, он зябнет на морозе. А предок монгольской овчарки — тибетский дог. Это очень крупный, очень сильный, злой и клыкастый пес. Чаще всего их встретишь в Восточно-Казахстанской или Семипалатинской областях, куда их завезли в годы войны монгольские чабаны. Эти собаки верно служат чабанам, переносят и бураны, и летнюю жару.

— Ну и какую же из этих двух пород вы мне рекомендуете? — спросил Канат, теряя терпение.

Зеленая шляпа с улыбкой поглядела на Каната и подмигнула:

— Не спеши. Я тебе дам щенка, подобного которому нет ни у кого. А назвать его можешь сам.

— Как вас зовут?— спросил Канат, заинтригованный новым знакомцем.

— В принципе, можешь Иван Ивановичем звать.

— Где работаете?

— В принципе — кочегаром в одном учреждении. Но можешь считать и собачником — есть же профессии — скотник, птичник, свинарь. А если всерьез — кинолог я. Специалист по выращиванию новых пород собак.

Беседуя, они поднялись вдоль Алмаатинки и вошли во двор стоящего на отшибе дома. Иван Иванович повел Каната к маленькой землянке, притулившейся в углу двора.

— Я держу собак в теплом помещении.

Навстречу им выскочила белая собака с гладкой шерстью, вся в крупных и мелких горошинах — на груди и лопатках, на боку, на шее и сзади.

— Успокойся, Джейхун! Это наш друг!— Иван Иванович взял пса за ошейник, погладил по шее.

Пес обнюхал Каната. А у того душа ушла в пятки.

— Не бойся, теперь не тронет,— успокоил Иван Иванович.

— И все же держите покрепче,— проговорил Канат, прячась за хозяина.

Иван Иванович рассмеялся и отпустил собаку.

Та встала, уперев морду в грудь Канату.

— Джейхун только так здоровается с гостями,— успокоил Иван Иванович.— А ну, Джейхун, на место!

Пес отошел и, как бы проскользнув мимо Каната, на секунду прижался к нему.

— Этот жест пойми, как призыв к миру. Она взяла твой запах. Теперь никогда не тронет.

У Каната вроде отлегло от сердца. Но он был поражен. Впервые видел, чтобы собака, не подпрыгнув, не встав на задние лапы, достала мордой до груди человека:

— Это и есть королевский дог. Самка. Высота в хол-

ке — девяносто семь сантиметров. А у тех, что ты видел на базаре, даже самых мощных, не выше шестидесяти пяти — семидесяти четырех сантиметров. Вот и сравни-те! — Иван Иванович почему-то перешел на «вы».

Канат молча слушал, а Иван Иванович с подъемом продолжал:

— У матери Джейхун рост был сто три сантиметра. В камышах Алаколя одна кабана брала.

— А у этой какие заслуги?

— Никаких особенных. Дважды с медведем в поединок вступала — всего лишь! — Иван Иванович вновь расхохотался, довольный.

Канат тоже рассмеялся.

— Вот медали, которые завоеваны Джейхун в разное время, — Иван Иванович протянул Канату ящичек. — Все золотые. Эту в Москве, на Всесоюзной выставке. Эту — на республиканской. Эту... в общем, все не перечислишь. Около тридцати.

Собака зашла за еще не остывшую печку. Иван Иванович жестом подозвал Каната. Подойдя поближе, тот увидел пятерых щенят. Черные, мохнатые, с белыми пятнами — горошинками на морде и на груди. Канат хотел поближе разглядеть их, но Джейхун преградила ему путь и зарычала.

Канат долго и с любопытством наблюдал за щенками. Стоило матери подойти и прилечь на бок, как они с писком устремлялись к ее теплему животу. Канат еще раньше заметил щенка с белой мордочкой, с белыми горошками на бедре. Он быстрее всех достиг матери и, вскарабкавшись повыше, вцепился в сосок потолще. Канат ясно ощутил, что этот щенок особенный. Он казался подвижнее, крупнее и сознательнее остальных.

И Канат выбрал именно этого щенка.

— Эге! — удивился Иван Иванович. — Говорил, ни черта не смыслишь в собаках, а похоже — специалист!

— Не знаю, мне он показался крупнее других.

— Молодец, парень. Я хотел сам его предложить.

— Тот беломордый, я вам скажу, будет со временем королем собачьим!

Иван Иванович выложил на стол кусок колбасы. Джейхун, видно, учуяла запах мясного, быстро подошла к Канату и раз-другой ткнула мордой в руку.

— Джейхун, смотри! Мы теперь родня!

Канат взял кусочек колбасы, бросил собаке. Она наклонила голову, понюхала, но не стала трогать.

— Гляди, какая привереда. С пола не ешь, значит? Канат поднял кусок и положил его на край стола.

Джейхун, положив морду на стол, вновь обнюхала колбасу. Иван Иванович гремел стаканами:

— Она не ест из чужих рук. Кто знает, может, ты шлопку туда воткнул или яду добавил. А может, задобрить хочешь, войти в доверие и что-нибудь упереть.— Иван Иванович взял колбасу и, повертев в руках, как бы проверяя, сказал: — Ничего подозрительного, чистая колбаса, на, Джейхун, ешь!

— Она у вас аристократка! А вот тот, с белой мордой — каков он будет?

Иван Иванович охотно заговорил:

— Ты заметил, что мать такая гладкая, а щенята мохнатые? Отчего, думаешь?

— Этот вопрос я хотел задать.

Иван Иванович отер пот со лба:

— В том-то и дело. Отец у них — монгольская овчарка, которая за одну зиму взяла семнадцать волков. Таусогор! Надеюсь, понимаешь теперь: новая порода. Отец брал волков, мать с медведем тягалась, бабка по материнской линии с кабаном, так что будь уверен, и с этим щенком не пропадешь. Великая собака будет!

Канат расхохотался.

Иван Иванович даже обиделся:

— Не веришь? Если из этого белоголового щенка не получится великий пес, сними мне голову.

— А как мне забрать щенка?

Иван Иванович прижал палец к губам:

— Т-с, Джейхун поймет. Сейчас. Джейхун, пойдем, погуляем во дворе!

Оставшись один, Канат еще раз внимательно оглядел щенят. Беломордый был и впрямь крупнее и ловчее других.

Канат схватил его и сунул за пазуху.

— Твой отец счастливчик, такой шенок достался. А теперь уноси ноги быстрее, — напутствовал Иван Иванович из глубины двора.

Канат чуть не бегом бросился на улицу. Иван Иванович крикнул вслед:

— Если кому-то нужна собака, которая может взять волка и кабана, тягаться с медведем, то имей в виду.

Канат помахал ему рукой на прощанье.

Актумсук (белая морда) по дороге открыл глаза. Поначалу он учуял какой-то приятный запах. Нет, это не был запах матери, запах молока — какой-то новый запах. Запах человека. Запах Каната. Актумсук завозился, ткнулся носом в грудь Канату. Морда у него была как молот. Канату сразу вспомнилась Джейхун.

— Хорошо, если пойдешь в мать.

И вдруг словно услышал голос Ивана Ивановича.

— Он будет лучше Джейхун. Настоящая гроза будет.

Канат улыбнулся своим мыслям:

— В самом деле, может, назвать Грозный?

Шофер за рулем поддержал:

— А что, неплохо.

Актумсук высунулся из пальто Каната и с удивлением огляделся.

— Есть хочешь? Ничего, до аула недолго осталось. Молочка попьешь.

Актумсук, не отрываясь, глядел вперед. Странно. Весь мир вокруг кружится, летит куда-то... Он закрыл глаза — стало страшно. И все же — тут же открыл их и стал скулить.

— Вроде не успел проголодаться — перед отъездом же лакал молоко? — удивился шофер.

— Обжора! — и Канат шелкнул щенка по голове.

Актумсук сморщил мордочку. И тут неожиданное тепло разлилось по животу Каната. Только теперь он понял свою оплошность.

— Ах ты, собачий сын!

— Что случилось? — спросил шофер с тревогой. Потом, поняв по виду Каната, что произошло, рассмеялся:

— Кутенок не виноват. Он же просился, а ты не давался.

— Это мне за незнание собачьего языка, — отшутился Канат.

Машина свернула на обочину и остановилась. Канат опустил щенка на снег, а сам стал приводить пиджак в порядок. Актумсуку до него и дела нет: ползает по снегу, принюхивается ко всему вокруг.

— Вот что значит пес. Глаза не успел открыть, а чего-то уже ищет, обнюхивает. Гляди, как бы не простыл...

— Отец у него волкодав, северных морозов не боялся, этому южная весна — нипочем.

Щенок заскулил, будто говоря: «Твоя правда».

Когда перевалило за полдень, машина подъехала к зимовке Лезбана.

— Ну, отец, поручение выполнил, — и Канат протянул щенка.

— На что мне твой щенок? Я же просил собаку найти, чтоб волков брала!

— Люди посоветовали, которые на собаках собаку съели, — рассмеялся Канат.

Братья были в восторге:

— Хорошо, что щенка привез!

— Щенок даже лучше!

— Ну и как мы его назовем?

— Дед по материнской линии — Джульбарс — кабана брат, отец — Таусогор — волков брат. А мать Джейхун

с медведем в поединок вступала, я ее своими глазами видел. Не остается ничего другого, как назвать Грозный.

Лезбай запротестовал:

— Не получилось бы как в поговорке: «плохого пса волкодавом кличут». Люди засмеют. Лучше давайте назовем Маргау — Смирный.

— Маргау, Маргау! На-на!

Беломордый проскулил, будто дал согласие.

Так пять лет назад в один из весенних дней марта Маргау появился в доме Лезбая...

В восемь месяцев Маргау был уже ростом со взрослую собаку. Грудь у него, как у матери, широкая — в аршин, ноги длинные, а шея как у отца, толстая, лапы огромные, округлые. Шерсть черная-пречерная. На груди, на морде и ляжках — белые горошины, безупречно круглые, будто нарисованы. Увидев первый раз, застынешь в изумлении: бывает же такое! Уже ощущается небывалая сила в набирающей мощь широкогрудой собаке. Лезбай, переживший немало шумных, суетливых дворняжек сразу приметил эти особые качества Маргау. Потому-то радостно хлопочет он вокруг него, старается сам кормить.

Как-то пригнал Лезбай пораньше отару, загнал овец за частокол, а сам вновь сел на пегунка. Маргау по привычке, унаследованной от предков, побежал за хозяином.

— Это ты правильно делаешь, надо мир посмотреть, людей повидать, — одобрительно отозвался чабан. — Съездим в горы к соседу.

Сосед его — чабан по имени Абикеш, поставил юрту выше по реке.

— Добро пожаловать, Лезбай, — приветствовал он друга. — Говорят, у тебя отменная собака. Эта самая?

— Она самая, Абикеш. -

— Ну и псина! На тебе за это, — Абикеш кинул Маргау кус кровавой требухи.

Пес стоял неподвижно.

— О, да он у тебя избалован. Уж не режешь ли ему каждый день по ярочке?

Лезбай расхохотался. Потом пояснил:

— Он от «белой кости», дог зовут ихнюю породу. Из чужих рук ни за что есть не станет.

— Надо же... Недаром говорят: много еще на свете невиданного. Выходит, он совсем не такой, как наши пустобрехи... — Лезбай был доволен. Потрепал собаку по шее и улегся на траву возле Абикеша.

Маргау шел в то время второй год. В широкой долине меж высокими горами чувствовалось дыхание осени. Днем солнечно, тепло, а ночью уже посверкивает иней. Разговор у чабанов сейчас только о куздеу — осенних пастбищах. Приезжал завфермой Каргабек и назначил день, когда отаре Лезбая перекочевывать.

Как-то в полдень подъехал к нему чабан-киргиз Саркен с другого берега реки. За ним бежали две черные собаки — самец и самка.

— Мы всегда пасли овец на двух берегах одной реки, казах и киргиз. Увидел, что ты собираешься откочевывать, приехал попрощаться. Да будет удачным твой кош — твоя перекочевка!

— Да будет так!

Внимание Маргау больше привлекали его четвероногие братья, чем всадник. Маргау вскочил внезапно и в два прыжка оказался возле собак. В его теле вдруг проснулась какая-то странная сила, о которой он даже не подозревал. Черный пес преградил путь Маргау, рычал.

Но Маргау не обратил на него никакого внимания. Он поднял хвост и сладко потянулся, глубоко прогнул спину. Потом стал задними лапами рыть землю, отбра-

сывая, словно лопатой, комья земли. Но тут черный пес налетел на беспечно стоявшего Маргау и схватил его за бок. Маргау резко повернулся и встретил врага грудью. Тот перевернулся три раза. Маргау подскочил и, нависнув над распластанным противником, поставил тяжелую лапу на его грудь: «Не вздумай шелохнуться — растерзаю». Черный, видимо, сообразил, что к чему и остался лежать с задранными кверху ногами.

Саршен и Лезбай с любопытством наблюдали за собаками.

— Ох, и пес у тебя — гроза, а не пес!

— Э, Маргау еще не пес, а шенок только.

— Как — шенок? — удивился Саршен.

— Ему чуть больше полутора лет.

— Шутить, наверное, — не поверил Саршен.

— В феврале прошлого года родился. А сейчас сентябрь. Вот и считай.

Гость призадумался.

— Мы соседи с тобой, Лезбай, — сказал он, помолчав, — наши овцы на джайляу рядом пасутся, головы наши рядом на одной подушке. И обычан у нас схожи — что понравилось гостю, то — его. Не пожалеешь же ты ради меня этого щенка?

Лезбай растерялся, видя, что Саршен не шутит.

— Проси, что хочешь взамен. Верблюда проси — дам верблюда, кобылу проси, дам кобылу...

Выручила Айган:

— Это нам привез сын наш из города. Попросишь — и тебе такого же привезет. А к Маргау дети привыкли уже, так не терзай нас напрасно.

Лезбай подхватил:

— Сын говорил, там много их из одного гнезда. Через полмесяца обещаю вручить тебе.

— Не отдадим Маргау, — захныкали ребятишки.

— Уговор — божье слово, так, что ли? — переспросил Саршен.

— Аллах свидетель.

Старший ушел с надеждой.

Итаксные осенние тучи застилают небо. То целый день моросит мелкий дождь, то прольется ливнем с бурей и порывистым ветром. Что ни говори, тяжелая и для людей, и для скота пора. Кажется, что время остановилось. Тоскливо кругом — и дома, и в степи. Промокшие овцы выжидают на выпасе. Лезбай в брезентовом плаще с мохлятым капюшоном в такие дни начеку.

Маргау, ты иди с правой стороны, а я пойду слева. Маргау, ты иди впереди, я буду позади, — так неделями днями не сходит он с коня, отдавая распоряжения самому себе и своему четвероногому другу. Маргау уже стал понимать приказания. Дважды не приходится повторять. Бежит, куда укажет Лезбай, и возвращает в стадо отбившихся овец.

...Был один из таких мутных дождливых дней. К обеду тучи стали расходиться, подул северный ветер, завывая, он ускорял свой бег, встряхивал тучи. И тогда дождь лил сильнее, словно мокрая пыль застилала все вокруг.

Лезбай почувствовал, что продрог. На другом краю отары, тоже промерзший, Маргау подгонял овец.

Сквозь дождевую завесу показалась отара, которую гнали два чабана.

— Что это за погода?! — пожаловался им Лезбай. — Зима, видно, решила нынче пораньше прийти. Крутит, выжит — не продохнешь.

Лезбаю сейчас казалось, что будничные, привычные невзгоды почему-то выросли, стали ровень с горой:

— У тебя-то есть помощник. А мне на кого опереться? Старший в Алма-Ате. Остальные еще малы. И жена большая.

— Какой там помощник? Конского повода не касался. Единственное, хоть рядом есть кто-то, мужчина вроде...

Тут затаяли собаки. Послышался крик.

Вот видишь, только отведешь глаза в сторону, как

уже что-то случилось.— С этими словами чабан вскочил на коня.— Эй, что там стряслось?

— Отары перепутались.

— А ты чего смотрел? Шайтана пас?

Маргау с лаем подбежал к хозяину: «Отары перепутались. Скорей садись на коня!»

— Ну, смешались овцы, подумаешь. Разберём по том.— Лезбай взобрался в седло и тронул коня.

Чабан в шляпе хлопотал, разъединяя стада. Маргау носился с лаем за овцами, прихватывая клыками то одну, то другую.

— Ау, Леке, угомони ты своего пса. Всех овец распугал.

Лезбай придержал собаку. Чабан, браня на чем свет стоит помощника, отбил наконец своих овец. На это ушло чуть ли не полдня. К сумеркам Лезбай с горем пополам отделил свою отару и погнал овец домой. Маргау беспокойно носился от одной отары к другой.

— Ты что-то дуришь!— разозлился Лезбай.

— Гав, гав! Чего сердиться? С тем стадом ушла целая кошара овец!— разъяснял Маргау на своем языке

Оказывается, собака нервничала не зря. На другое утро Айган не досчиталась около десятка маток.

— Столько лет прожил на свете, а до сих пор не поймешь: там, где этот — жди подвоха,— упрекала Айган Лезбая.

— Может, неправильно сосчитали?— усомнился он.

— Не один, а три раза считала!

— Да вроде бы...

— Это для него привычное дело. В прошлом году обманул Саршена: напоил водкой и угнал часть овец. Поезжай сейчас же, пока не успел спрятать концы в воду, верни скот.

— Неужели человек мог пойти на такое? Может, ошибка вышла...

Лезбай взял с собой Маргау и очень неохотно, будто его волокли насильно, поехал к чабану. Тот был не так

приветлив и добродушен, как вчера, встретил с прохладцей.

— Оу, что с тобой? Здоров ли? — спросил Лезбай.

— К шайтану такое здоровье.

— Случилось что-нибудь? — испугался Лезбай.

— Вчера отары перемешались и, видно, часть моих овец осталось в твоей, нету десятка валухов.

— Что ты говоришь? А я пришел свою потерю искать.

Маргау совсем потерял покой. Носится вокруг загона и лает: «Не верь ему! Наши овцы здесь, я их по запаху узнаю!»

Как бы подтверждая это, несколько овечек, уставившись на Маргау, потянулись к нему.

Хозяин был раздосадован.

— Эй, что это с твоей собакой! Вчера всех овец распугал и сегодня нам покоя не дает. — Он бросился к Маргау с лопатой в руке. Но Маргау не испугался. Застыл на месте, готовый к прыжку. Пусть только замахнется.

— Смотри, как бы не разорвал, — предупредил Лезбай.

Чабан опасно отступил. Маргау сел на задние лапы и гулко пролаял: мало того, что овцы наших угнал, еще клеветает.

Лезбай, однако, не придавал этому значения.

— Маргау, пошел прочь! — и повернулся к чабану. Если твой скот остался у меня, поехали, проверим. Если нет, давай я проверю твою отару.

— Выгоняй овец на выпас. Я вечером подъеду.

С этим Лезбай и воротился домой.

— Ну что, пригнал? — Айган приподняла голову от подушки.

Маргау вновь гулко залаял: «Никого он не пригнал. Наши овцы там. Я их сразу узнал».

— Вечером сам приедет.

— Как это приедет, зачем?

— Похоже, у него тоже овцы потерялись.

— Пусть не хитрит, не выйдет!— возмутилась Айган и стала одеваться.

Лезбай попытался остановить жену:

— Бог с ним, со скотом. Погода сырая, а ты только из больницы. Как бы не простудилась.

Но Айган не послушалась. Оделась потеплее, перепоясалась и села на коня:

— Маргау, за мной! Посмотрим, чей у кого скот.

Лезбай остался дома.

Когда Айган подъехала к месту, было около полудня. Чабан сразу сообразил, что Айган пожаловала неспроста. Он преградил ей путь.

— Я же сказал, что к вечеру сам приеду.

— Зачем ты приедешь? Тебя вроде никто и не ждет.

— Вчера с вашей отарой мой скот ушел.

— Ты брось эти шуточки! В прошлом году Саршена надул. Верни наших овец.

— Если твои овцы здесь, верну. А если нет?

Айган не стала спорить. Пришпорила коня и поскакала к отаре.

— Айт, айт, Маргау! Ищи наших овец!

Маргау только и ждал этого. Он помчал к мирно пасущейся отаре и врезался в нее. Овцы испуганно кинулись в разные стороны. На истошные крики чабана Айган даже не оглянулась. Сидит на коне и ждет, как поступит Маргау. Через какое-то время он отбил овцу и отогнал в сторону.

— Ну, что на это скажешь? Наша!— Айган показала на овцу.

Чабан смущенно молчал. Потом выдавил:

— Такая матка и у меня есть.

— Не ври!

Вскоре Айган пригнала домой всех отбившихся овец.

Через несколько дней она снова слегла. Снова приехали врачи в белых халатах. Но в этот раз никуда Айган не стали увозить. Вернее, Айган сама отказалась:

— Надоело мне мотаться к вам и обратно. Что бу-

ст, то будет. Хочу быть рядом с моими детьми. Не беспокойте зря.

Врачи на этот раз почему-то согласились:

— С одной стороны, это неплохо, дома останется. Одно условие: давайте есть, что захочет, не ограничивайте. И еще: посуду и полотенце ее держите отдельно. Детей старайтесь не подпускать.

С этим наказом люди в белых халатах распрощались. Через несколько дней выпал снег, но пролежал он недолго, растаял. Айган подняла голову, когда шел снег, выпила чашку кипятка, а через день, когда снег растаял, распрощалась с этим миром навсегда.

На похороны Айган собрался народ. Обмыли, прочитали молитву и похоронили ее на высоком холме у въезда в эту долину.

— Очень удобное место для последней обители: отовсюду на виду, когда из аула едешь и когда выезжаешь из долины. Каждый увидит, помянет добрыми словами. Пусть земля ей пухом будет...— Так говорили люди, возвращавшиеся с похорон.

— Мамочка милая, на кого же ты нас оставила?— причитали, плакали сыновья Айган.— Чем мы тебя обидели?!

— Бедные сиротки!

— Да, уж мать никто не заменит.

Какой-то старик из толпы сердито прервал:

— Дети что. Подрастут и забудут. Вот кому тяжело — это Лезбаю, уже сам в годах.

— Всем тяжело.

— Эй, Лезбай, значит, суждено было Айган умереть,— продолжал старик.— Теперь не воротить: Если не хочешь, чтоб дети голодали и дом развалился, подумай, как скорей встать на ноги. На попечении твоём весь наш скот. Тебе нужен помощник. Возьми женщину в дом. Никто тебя не осудит.

Мужчины поддержали старика.

— Что это такое, еще не успели лицо Айган прикрыть, — возмущенно зашумели женщины.

— Пусть хоть земля подсохнет на могиле.

— Все они такие.

— Эй, козел комолый, — крикнула женщина в ослепительно белом жаулыке, — руку дам на отсечение, если на другой же день, когда ты помрешь, не посажу твою старуху на арбу и не спроважу за какого-нибудь холостяка.

— С чего ты взяла, что я раньше умру?

— Помыслы твои скверные. Аруах¹ накажет тебя.

— Нет, пожалуй, ни одна порядочная не согласится, сколько ни уговаривай... Скажет, справь сначала сороковины... — вмешался еще кто-то.

Женщина в белом жаулыке не унималась:

— Назло этому сивому мерину — уговорю его старуху.

И старик не сдавался:

— Твой-то сколько лет назад умер? Чего сидишь до сих пор?

Кто-то из мужчин поддел:

— Наверно, не было такой свахи, чтобы уговорить могла.

— Шутки шутками, а Лезбаю стоит подумать, — сказал кто-то, и его поддержали.

С этим народ и разошелся. А Лезбай стал думать. Когда ударили морозы, на сороковины Айган приехал Каргабек.

— Леке, ты о чем размышляешь?

Что кроется за этим вопросом? Сочувствие ли, упрек ли? Лезбай ответил холодно:

— А о чем я по-твоему должен думать?

— Зима на пороге. Ребята еще малы. Ты — один. Как же овец пасти будешь?

— Может, дашь кого в помощники?

— Одним помощником дело не обойдется, Леке. На-

---

¹А р у а х — дух предков.

то человека, чтобы за детьми смотрел, а скот уже потом.

Слова попали, видимо, в точку, и Лезбай потеплел:

— Думаешь, сам не понимаю? Да где взять такого человека?

— Давай поищем.

И Каргабек продолжал разговор:

— Как смотришь на Умсундык?

Лезбай задумался.

— Она человек неглупый. К тому же не чужая Айган. Думаю, что детей не обидит. Родственница ведь, хоть и дальняя.

— Кто знает,— засомневался Лезбай.

Песколько лет назад Умсундык с кружком самодеятельности, организованным на центральной усадьбе, ходила от джайляу к джайляу и пела. Тогда на нее много заглядывались и даже кое-какие сплетни водились. К тому же у нее нет детей. Неизвестно, в чем причина. Выйдя замуж, недолго прожила она с мужем и разошлась. Могло ли все это не тревожить Лезбая?! А с другой стороны, душевная она, характер ровный. Если встретит бог, сойдутся, должна вроде бы хорошо относиться к детям.

— Брось ты свое «кто знает!» Думаю, Умсундык не станет противиться. Съезди, поговори. Если откажет, что нет, поищем еще.

Сказав это, Каргабек сел в машину.

Лезбай совсем потерял покой. Утром, чуть свет, он выехал на коня и, оставив отару на соседей, отправился в путь.

Соседний аул — это была молочная ферма — раскинулся у подножия холма. Здесь Лезбай сошел с лошади.

— Ой, Леке, что это вы ни свет ни заря?— встретила его Умсундык.

— Ради тебя приехал. Есть же песня такая: «Что бы нам ни говорили, а жалко проститься с тем, кого знал».

Умсундык, видно, сразу поняла, о чем пойдет речь.

— Когда тетушка была жива, ты был похож на щен-

ка, упавшего в молоко, а теперь, смотри, бороду сбрил, усы — щеголь, да и только! — пошутила Умсундык и, проходя, задела его бедром.

— А ты, плутовка, все такая же, прежняя.

Умсундык кокетливо закатила глазки.

Гость теперь держался свободнее:

— Ни у меня, ни у тебя, Умсундык, не гуляет ветер по гриве, уже не молоденькие. Жена моя умерла. Ты ушла от мужа. Я не тот, чтобы допытываться, кто виноват. Не станем копать в прошлом, у кого больше, а у кого меньше грехов. Если мне пятьдесят, то и тебе за тридцать. А это для женщины немалый возраст. Кого думаешь, красит одиночество? Ты же знаешь, у меня двое мальчишек, стань им матерью.

— Ах, вот почему ты прислал ко мне свата.

— Какого еще свата?

— А Каргабека.

Лезбай ошетинился. Выходит, Каргабек приезжал и говорил от его имени? Но Лезбая этот вопрос мучил недолго, он всегда склонен был толковать чужие поступки в лучшую сторону. И подумал: «Молодец, Каргабек, неплохо, что ты заботишься о своих подчиненных!» Умсундык не поняла настроения Лезбая и продолжала игриво:

— Но свосго жезде¹ мы знаем и без Каргабека.

Лезбай провел день и еще ночь у Умсундык.

Наутро небольшие сани, груженные нехитрым скарбом, направились к дому Лезбая.

...Обычный будний день. По широкой, покрытой снегом равнине гуляет поземка. Лезбай на коне, Маргау, по привычке, держится то слева, то справа — сторожит. Овцы, знающие запах собаки, спокойно пасутся, вонзая, как гвозди, свои маленькие крепкие копытца в хрустящий

¹ Жезде — муж старшей сестры или родственницы.

Солнце слегка приподнялось над горизонтом и, словно зацепившись за что-то, повисло, безразлично смотря своим красным оком с хмурых небес на землю. Лезбай сошел с коня и некоторое время шел пешком, чтобы размять ноги. Потом снял со своего пегого удила и приставил на тебеневку, а сам взобрался на пригорок поближе к селу.

Обычно в такие минуты Маргау особенно бдителен. Повинуя шею, осмотрел все вокруг. Всюду, куда достиг его взгляд, ни души. Тишина в белой долине. Ни шума, ни подозрительного звука или тревожного запаха, ни Маргау, удовлетворенный, подбежал к хозяину. Пегий же угруждает свои копыта. Он следует за отарой, хватая зубами под самый корень редкую травку, оставшуюся после овец. У Лезбая глаза прикрыты, голова покоится на небольшом камне — он отдыхает. Пес подошел и потерся носом о поношенную шубу. Запах, кисловатый запах овчины, пота — родной, добрый запах зашекотал ему поздри. Для Маргау в этом запахе заключено все самое дорогое на свете.

Лезбай открыл глаза. Повернувшись на бок, погладил собаку. Он знает, если Маргау вот так подошел к нему, значит, вокруг все спокойно.

— Пегий-то спозаранок на ходу, устал, небось. Пусть порвьячка заморит.

«Понял», — и Маргау трется крутым лбом о ладонь Лезбая. Его любовь и признательность ограничиваются вот такой скупой лаской. Лезбай не сводит с Маргау глаз:

— Хоть ты и песьей породы, а умнее иных двуногих.

Только произнес он эти слова, как Маргау сел на задние ноги и, дважды пролаяв, помчался куда-то.

— Похвалили тебя, так сразу и зазнался! — расхохотался Лезбай, поворачиваясь на другой бок. — Пес ты и есть пес!

Нет. Похоже, не похвала сорвала Маргау с места. С неистовым лаем он метался вокруг отары, потом подле-

тел к Лезбаю, все еще беспечно лежавшему на пригорке, опять умчался: «Чего лежишь?! Скорее на коня!»

Вдруг овцы испуганно бросились врассыпную. Только теперь до Лезбая дошло, что нагрянула беда. Вскочил на коня, он поскакал в ту сторону, где скрылась собака. Лишь перевалив за холм, понял, в чем дело: серый степной хищник ползком уже почти подобрался к отаре. Но путь ему преградил Маргау. Шерсть на загривке дыбом, клыки оскалены, но похоже, не знает, как дальше быть.

— Маргау! Маргау! Айт, айт!

Услышав человеческий голос, серый вскочил и пустился вниз по долине. Маргау бросился за ним. Вот он уже перевалили за холм, скрылись в низине. Маргау настиг волка на подъеме следующего холма и, вонзил клыки в пах, с силой тряхнул мордой. Серый перевернулся и, вскочив, помчал дальше. Кровь из паха потянулась следом за ним, словно тесьма. Запах крови, видимо, пробудил древний инстинкт, и Маргау, забыв об опасности, продолжал преследовать волка. Серый исхитрился, взял в сторону. Они спустились в овраг. И только тут Маргау заметил выскочившую откуда-то сбоку стаю. Она мчалась к нему, поднимая за собой снежную пыль. Летевший на выстрел впереди вожак пропустил раненого волка и схватился с псом. В этот момент второй вонзил клыки в правое бедро Маргау. Все вокруг поплыло в каком-то мареве. Но волчья стая вдруг словно исчезла и перед взором Маргау явился летящей птицей пегий конь, потом возник Лезбай, отчаянно размахивающий камчой, раздался громовой крик и грохот выстрела. А дальше все стихло...

...Когда Маргау открыл глаза, рядом лежали два мертвых волка. Одного из них он сразу признал по запаху: тот, за которым гнался.

— Видишь, вдвоем двух волков уложили. Пусть теперь сунутся сюда.— Лезбай приторочил к седлу две

только что снятые шкуры. Пегий настороженно захрапел, перебирая ногами.

— Но-о, теперь не бойся их. Ну, Маргау, пошли!

Пес приподнялся. Но задняя нога была будто неживая. Маргау заскулил.

— Ах ты, бедняжечка, тебе же чуть не отгрызли лапу. А я думаю, чего это ты разлегся?— Лезбай спешился, подхватил собаку, поднял и положил ее на коня поперек седла.— Не печалься, скоро заживет, и опять будешь носиться как прежде.

Когда Лезбай вернулся домой, дети и Умсундык, испуганные, высыпали навстречу:

— Что так рано? Целы овцы?

— И овцы целы, и мы живы,— отозвался Лезбай.— Идите, несите домой, дубить будем.— И, отстегнув шкуры, бросил их детям. Сам же осторожно снял Маргау с коня.

— Что с ним?— испугалась Умсундык.

— Волки лапу изгрызли.

— Что же теперь делать?

— Лечить будем.

Лезбай нарезал прутьев тальника и стал что-то мастерить из них.

Пес неподвижно лежал, опустив голову. Дети бросили ему хлеба.

— Не ест,— удивился Дабыр.

Адыр тут же наскочил на брата:

— Если бы тебе волки ногу погрызли, стал бы есть? Маргау еще молчит, не плачет, а ты бы орал на весь двор.

— Не я, а ты вопил бы: «Ой, нога, ой, нога!»

— Хватит, чего разгалделись!— одернул их отец.— Если б не Маргау, волки бы всю отару перерезали.

У Адыра на глаза навернулись слезы.

Дабыр со злорадством воскликнул:

— А-а, только что хвастал, что не плакса. А сам?

Плакса, Адыр-плакса!

Умсундык еле уняла мальчишек.

Лезбай был похож на заправского костоправа. Он долго сидел на корточках, осторожно прощупывая ногу ссбаки: искал, нет ли перелома или трещины в костях. Маргау успокоился, закрыл глаза — видно, стало легче.

— Он глаза закрыл! Умирает!.. — крикнул Адыр.

Маргау поднял голову и простонал — решил, наверное, не пугать ребенка.

— Зачем же ему умирать? Не умрет.

Лезбай насыпал лекарства в раны, потом обложил прутиками и перевязал...

Несколько месяцев ходил Маргау на трех ногах.

— Ему исполнилось только два года. Кость еще молодая, срастется, — объяснял Лезбай. И оказался прав.

Маргау шел четвертый год. С первыми признаками осени отара начала спускаться в долину. Юрту и детей Лезбай еще вчера погрузил в машину и отправил. За отарой шел он сам и Маргау. Умсундык восседала на арбе, груженной казанами и прочим кухонным скарбом.

Лезбай в таких случаях не спешит. Он старается подольше держать отару в подветренных догах и собирает в путь позже, чем другие чабаны.

Перевалило за полдень. Время, когда овцы должны отдохнуть и поесть. Отара Лезбая к этому часу достигла узкого выхода с широкого джайляу, окруженного горами и поросшего густым сосняком. Впереди раскинулась кегенская равнина, дальше — гора Кулык. А за той горой — зимовка, кошара для овец.

Солнце стало припекать — значит, спустились довольно далеко вниз. Лезбай придержал повод и спешился. Снял старую шубу, положил в сторону.

— Я ж тебе давно говорила — выбрось эту рвань. Опять таскаешь за собой, — недовольно сказала Умсундык.

— Ладно, хватит придирааться. Лучше вскипяти чай...

Собака вдруг залилась лаем. Лезбай тревожно эгиделсея. Все вроде спокойно. Отбившихся овец не видно. Струдились все в ложбине и лежат

— Маргау, Маргау!

Пес опять залаял. Но где-то далеко.

Лезбай увидел Маргау, сидящего на самой макушке холма. Лаем он призывал к себе хозяина.

— Маргау, Маргау! На, на!

— Что-то он беспокоится. Понапрасну не лает. Иди же, — сказала Умсундык.

Лезбай сел на коня. Рысцой поднялся на холм.

Маргау сидел у могилы Айган. У Лезбая навернулись слезы на глаза. Он спрыгнул с седла и, подойдя к собаке, обнял ее...

Он опустился на колени и прошептал: «Пусть будет светел твой вечный путь, Айган. Пусть галчата, что остались после тебя, не узнают ни обид, ни огорчений». И провел ладонями по лицу.

Могила за два года осела, Лезбай подбросил земли, поправил покосившуюся ограду...

— Что так долго? — недовольно спросила Умсундык.

Лезбай промолчал. Подъехал к отаре и поднял ее.

— Ау, хозяин нашего дома, уж не услышал ли что-нибудь? Как бы в степи не остаться. Запряги коня, телегу поправь!

— Телега собрана! Что ее поправлять, все на месте, — и Лезбай тронул коня.

Умсундык недоуменно покачала головой:

— Не иначе, как что-то ему привиделось!

Она запрягла коня, собрала посуду. Взгляд ее упал на старую шубу. Подняла ее и брезгливо бросила в сторону.

Маргау спустился с холма, глянул на то место, где совсем недавно еще был привал, и принялся. Шубу, черневшую на траве, он узнал по запаху. Лезбай уже отъехал довольно далеко. Чуть поближе громыхает на камнях телега с посудой и Умсундык. Собака сбежала

вниз и остановилась возле шубы. Да, это был запах Лезбая. С тревожным лаем пес бросился вдогонку хозяевам, дал круг возле телеги, пролаял: «Погляди, шубу оставили, шубу!» Умсундык не шелохнулась. Тогда Маргау догнал Лезбая и закружился возле отары: «Шуба твоя осталась, шуба!»

Лезбай подтянул повод, посмотрел на пса:

— Чего разгавкался?

Маргау залаял настойчивей: «Шуба твоя осталась, шуба!»

Лезбай удивился. С отарой все в порядке, овцы целы. Оглянулся назад — Умсундык спешит следом.

— Чего это пес залаялся?

— Откуда мне знать, если ты сам не знаешь. Хозяин ведь...

Лезбай промолчал. Досаду сорвал на пегом коне: покружив плетью над головой, огрел его и помчал туда, где отара стала раскалываться. Маргау вновь залаял. Поняв, что Лезбай не вернется, ринулся обратно, к шубе. Потом он опять догнал Лезбая и опять стал лаять. Удивленный необычным поведением пса, Лезбай пришел к единственному выводу: жалко ему оставлять Айган здесь. И ему говорит: там Айган осталась, куда же ты едешь?

— Айган умерла. Перестань, Маргау! — прикрикнул Лезбай.

Но Маргау залаял с еще большим ожесточением.

— Дашь ты мне покой сегодня или нет? — и Лезбай стегнул пса кнутом.

Впервые хозяин ударил Маргау... Пес сначала сел на землю и горько завыл, а потом помчался назад. Даже не оглянулся на хозяина, который, видимо, поняв, что поступил несправедливо, позвал:

— Маргау, Маргау!

Пес прибежал на место привала. Он уселся на шубу и стал выть. Но отара Лезбая уходила все дальше.

Прошел месяц. Лезбай собирался перегонять отару

осенних пастбищ на зимовку. Сначала он был уверен: «Умная собака, должна непременно вернуться». Но с каждым днем им все чаще стали овладевать сомнения, и он все чаще задавался вопросом: «Куда же пропал Маргау?! Может, встретился с волчьей стаей? А может быть, обиделся пес? Но почему он вел себя так странно — беспокойно? Или...»

Отара Лезбая спустилась в долину на зимовку, а собака не появлялась. Маргау стал уходить из памяти. Даже дети почти перестали вспоминать о нем. О Маргау упоминали только пропавшие в буран овцы или подобравшиеся к отаре волки.

— Если был бы Маргау, хромая овца не осталась бы в степи.

— При Маргау волк не посмел бы так близко подойти к отаре.

Приближалась к концу зима. В доме Лезбая совсем забыли о Маргау. Пропала собака, и след простыл.

А случилось неожиданное: впервые собака и его хозяин Лезбай не поняли друг друга. Маргау своим лаем подсказывал, что Лезбай оставил шубу, а тот по-своему связал это с могилой Айган. Потом неожиданный удар камчой, чего раньше не бывало — поступок Маргау принял как приказание: «Чего растягвался, если забыл что-то, постереги, пока не ворочусь!»

А Маргау остался сторожить шубу своего хозяина. Остался надолго. Днем вглядывался в дорогу или, подняв морду и раздувая ноздри, искал в воздухе запах Лезбая. И никак не мог понять — зачем оставили черную шубу? Почему так долго не возвращается Лезбай? Проголодавшись, начинал ловить мышей в степи. Утолив голод, снова возвращался к шубе. Маргау помнил унаследованную от предков обязанность — сторожить, и он преданно исполнял ее.

Однажды сильно завьюжило в степи, ветер закручивал снег, вздымал его ввысь. Маргау схватил черную шубу, перетащил ее в овраг и пристроился там за боль-

шим камнем, в затишье. Вовремя успел Маргау найти укрытие. Буран, свирепствовавший всю ночь, занес снегом овраг до самых краев, в том числе и камень, возле которого устроился Маргау. Кругом белым-бело. Настоящий сонар¹!

На склонах гор дремлют ели под тяжестью снежных подушек на ветвях. Собака побегала, разминаясь. Потом поднялась на холм. Могила Айган оказалась под снегом. Все вокруг до самого горизонта гладко и бело, ни единого следа — словно лист белой бумаги. Внимание собаки привлек старый журт — бывшая летняя стоянка Лезбая. Маргау сбегал туда. Знакомые места. Вот здесь обычно лежал он. Вон там любил отдыхать Лезбай. Земляной очаг, казан... Адыр и Дабыр — о них напоминает все кругом. Маргау явственно чуял своих, и ему представились картины летних дней. Маргау казалось, что он, как наяву, вдыхает знакомые запахи. Пес поднял нос кверху и завыл долго, протяжно, заполняя степь печальным звуком. Все нутро обжигала тоска. Почему он отправившись от очага, который стал ему родным, теперь один на заброшенном журте? Теплый уголок, кости, которые давала Умсундык... Как захотелось Маргау быть там, с ними, и он облизнул нос.

Его забота — скот, люди, но никогда не заботила его пища. А теперь — перепадет за день какая-нибудь мышь. А завтра, может быть, и не перепадет.

Обнюхивая старый журт, Маргау нашел половинку черствой, промерзшей лепешки. Будто железная, стучит о камень: «дзинь, дзинь». Маргау принес хлеб на место Лезбая и там долго возился с ним, стараясь разгрызть. Перевалило за полдень. Маргау слизнул последние крошки хлеба и огляделся. Перед ним, совсем недалеко, сидела волчица. По телу пробежала дрожь. Как же Маргау не заметил ее раньше и подпустил так близко своего

---

¹ Сонар — первая пороша, пора охоты.

винченного врага? Маргау ошетинился и зарычал, волчица оглядела на брюхо и завильяла хвостом — призыв к миру, к дружбе. В ответ Маргау тоже вильнул хвостом. Потом вскочил, уперся задними лапами в землю, вытянув передние перед собой, и кокетливо потянулся: «Полюбуйся, вряд ли приходилось тебе видеть собак красивее меня!»

Он вытянул шею, чтоб оглядеться, и вдруг увидел вдали три точки, стремительно летящие к ним. Раздумывать было некогда. Маргау круто повернул и пустился наутек. Волчица, резко вскочив, устремилась за Маргау. И все же у длинноногого Маргау шаг оказался шире — он стал удаляться все быстрее. Уходить-то он уходил от волков, но беспокойство не покидало его: куда бежать? Волчья стая, напавшая на след, ни за что не отстанет. Бежать на могилу Айган? Но земляной бугорок не защита. Секундная нерешительность чуть было не стала роковой. Расстояние между ним и волчицей, летевшей на выстрел впереди других, резко сократилось. Маргау, чувствуя, что погоня настигает его, прибегнул к хитрости. Теперь он бежал ленивой трусцой, нарочно медленно. Еще немного и волчица нагнала его и уже приготовилась с лету вонзить клыки, но тут Маргау пригнулся на всех четырех лапах. Волчица по инерции пролетела дальше и трижды перевернулась. Пес мгновенно подскочил к ней, вонзил клыки в горло, тряхнул из стороны в сторону и побежал дальше. Волчица осталась лежать неподвижно. Из трех волков, подоспевших к месту схватки, один остался возле волчицы, а двое продолжали погоню. К этому времени Маргау уже достиг своей «норы» и ловко нырнул в нее. Волки остановились у входа, учуяв, видно, запах человека, исходящий от шубы, и не решились лезть в нору. И все же Маргау был настороже: вдруг волки станут разрывать снег, чтобы подобраться к нему? Черную шубу он взял в зубы и положил поближе к выходу. И, лежа в норе, заметил: за ночь от его дыхания снег внутри укрытия подтаял и образовалась ледяная корка, которая должна выдержать тяжесть волков, суетящихся

вокруг норы. Но волки не осмелились приблизиться. Часа два вертелись около камня, не раз принимались вить, а как стало темнеть, ушли.

Маргау вышел из норы. Огляделся, втягивая морозный воздух. Волки были уже далеко. Стояла прозрачно-чистая тишина. Он подумал, что теперь, когда отовсюду грозит опасность, надо быть всегда настороже. Стоит только сделать неверный шаг, как может случиться беда, потому что он еще не окреп после раны и тягаться со степными хищниками, пожалуй, сейчас ему не под силу. Теперь по воле случая, предстоит серьезная, труднейшая борьба за жизнь, надо быть осторожным и внимательным. Прямые схватки с врагом нежелательны, к этому можно прибегнуть на худой конец. Там — одно из двух: или умрешь или убьешь. А зачем ему, собственно, рисковать? Маргау вырос у человека, не заботился ни о еде, ни о собственной жизни. Теперь же все иначе — лучше спрятаться, пригнуться. О былой беспечности надо забыть.

Пес долго стоял, вглядываясь в воздух. Наконец, не уловив ничего подозрительного, он побежал туда, где упала волчица. На снегу кровь. Натекло много. Кое-где заметны следы клыков — это волки хватали снег с кровью. Судя по тому, что место, где упала волчица, потемнело, она лежала долго. Маргау, довольный собой, потягиваясь, походил вокруг и вернулся к себе в нору.

Маргау чувствовал голод. Ему не хотелось покидать свое убежище, но голод упрямо тянул наружу. Что делать? Маргау вошел в густой сосновый бор на склоне холма. Увидел след пробежавшего зайца. Но запах был застарелый. Видно, испугался чего-то заяц и свернул в сторону. Маргау не пошел по следу. На вершине сосны прыгала с ветки на ветку белка. Он долго наблюдал за ней. Белка и не помышляет сойти на землю, жилище и корм ее — на дереве. Если б ветка обломилась! Маргау

еще подождат, однако потерял всякую надежду схватить белку и побрел дальше. Неожиданно его остановил запах медаведя. Подошел осторожно к дереву — из-под суроба валил пар. Маргау не задержался, обошел берлогу — с медведем шутки плохи. Опять пересек след Холмика земли впереди — нора. Маргау даже не остановился. Преследовать сурка в норе — все равно, что переплывать океан. Наступил полдень, когда Маргау нагнулся на тальник, окруженный густыми зарослями чилика. Это было то, что он искал. Он разгреб старые сухие ветки и листья и очень легко вытянул из-под них полусонного барсука.

Насытившемуся Маргау опять вспомнилась шуба, и он огляделся. Оказывается, довольно далеко он ушел. Возвращаться по прежнему следу — долго, и он пошел напрямик. Неожиданно почувствовав знакомый притягательный запах человека и коня, Маргау так обрадовался, что протяжно и радостно завыл.

Из бора, задевая головами ветви, выехали два всадника. С ружьями через плечо, следом — собаки. Маргау хотел по привычке к ним присоединиться, но, подумав, остановился. Люди — разные, хорошо, если признают одинокого Маргау. А если нет, кто может поручиться, что они не пристрелят его как бродячего пса? И он подался в сторону.

Залаяли собаки и бросились к нему. Видно, напали на след. Охотники тоже пришли в возбуждение и стали кричать. Лес наполнился лаем, криками, улюлюканьем.

— Гляди, вон побегал черный волк с белой мордой!

Другой охотник возразил:

— Что ты мелешь? Разве бывают черные волки?

— Да я собственными глазами видел.

— Это, наверное, наш Кыргын, а не волк.

— Нет, Кыргын тогда был вон в той стороне.

«Спорьте, спорьте, — подумал Маргау, — а мне бы не попасться вам на глаза». Чувствуя, что собаки преследуют его, он нырнул в чащу. И тут навстречу высоко-

чил такой же черный с белой мордой пес и ринулся к нему с рычаньем, но неожиданно остановился.

— Р-р-р! Что тебе нужно?— В голосе Маргау нет злости, но нет и добродушия.

Пес-охотник завилал хвостом и, подойдя к Маргау, встал рядом. На носу белые горошки. А все остальное черное, как уголь, без единой крапинки. Маргау подошел поближе к черному с белой мордой псу и дважды лизнул ухо. И еще один знакомый собачий запах. Перед Маргау появилась черная сука, которая приходила с чабаном-киргизом Саршенем. Две собаки, отец и сын, постояли, почти касаясь друг друга грудью, словно люди после долгой разлуки. Но тут совсем близко раздался конский топот. Шерсть начинавшего дичать Маргау вздыбилась плотной щетиной. Он рванулся в кусты. Кыргын, продолжавший стоять неподвижно, залаял:

— Зачем уходишь? Останемся вместе.

Маргау ответил басистым, гулким лаем:

— Служба. Сторожу шубу моего хозяина, Лезбая. Подоспели охотники.

— Вон, вон побежал! А ты говоришь, черных волков не бывает! А это что, если не черный волк?— сказал первый охотник.— Кыргын, Кыргын, вперед! Кыргын! Взять!

Кыргын не двинулся с места. Он стоял на месте и выл.

Саршен поначалу тоже стал науськивать Кыргына, но вдруг его осенило:

— Ойбай-ау, да это же собака Лезбая. Он, бедняга, места себе не находил: собака, мол, потерялась. Маргау, Маргау! На, на!

Маргау не оглянулся. Великий инстинкт вел его к черной шубе.

— Допустим, можно понять, что та собака не побегала к нам. Мы чужие для нее. А что случилось с Кыргыном?— удивился спутник Саршена.

Саршен расхохотался:

— Тут есть большой секрет.

— Какой?

— Наш Кыргыз — сын этого самого пса.

Спутник Саршена умолк.

Саршен, похоже, принял какое-то решение:

— Ну, парень поехали к зимовке Лезбая. Расскажем ему, что видели его собаку, и возьмем с него суюнши¹.

— Это же далеко?

— Далеко, но нет такой дали, куда бы копыта конские не дошли...

Услышав весть о Маргау, Лезбай сразу же после отъезда Саршена стал собираться в путь. Адыр и Дарыр, узнав, что Маргау жив, заспорили — кому ехать с отцом.

— Ехать не ближний свет. Замерзнете, — остановил их Лезбай и отправился один.

По дороге Лезбай думал о том, почему же Маргау остался на журте². Вон могила Айган — рукой подать. Ближе — место, где он осенью сделал привал и нашлся чаю. Маргау покинул его здесь. Но до места, где его видел Саршен, еще далеко. Вдруг пегий со звездочкой захрапел. Лезбай только подумал: «Эй, что с тобой?», как увидел впереди себя собаку. Лезбай не предполагал, что встреча с Маргау будет такой скорой. Перед ним был Маргау, но шерсть у него гуще, шея мощнее. Лезбай прищипорил коня.

— Маргау, Маргау, на, на!

Маргау, обычно стрелой мчавшийся к нему навстречу, даже не шевельнулся. Лишь поднял морду к небу и издал непонятный звук, непохожий ни на собачий лай, ни на волчий вой. Лезбай приближался, подзывал: «На, на!» Маргау пятился назад. Глаза налиты кровью. В них

---

¹ С у ю н ш и — вознаграждение за хорошую весть.

² Ж у р т — здесь — следы на месте привала.

блеск гнева. Лезбай сошел с коня и сделал шаг вперед:

— Маргау, иди ко мне!

Маргау снова попятился. «Что с ним? Уже не узнает меня? — растерялся Лезбай. — А ведь говорят, что собака и через десять лет узнает хозяина».

— Маргау, это же я, Лезбай. Дома остались Дабыр, Адыр. Они просились к тебе, плачут. Канат все там же, в Алма-Ате. Летом мы опять поднимаемся на это джайляу. И тогда Канат станет приезжать к нам с ночевой.

Вдруг Лезбай, оглядев место, где сидел пес, обнаружил за ним вход в нору. У входа чернеет что-то. Лезбай повернулся к норе. Не обращая внимания на протестующее рычание Маргау, он носком сапога расширил вход, разбив ледяную корку, и вытащил то, что чернело. Навероятно — это оказалась его шуба! Кажется, теперь он понял тайну собачьего поведения. Маргау караулил шубу, брошенную на журте. Лезбай покачал головой. Хоть смейся, хоть плачь. Смеяться? Но разве не заставил любого задуматься такая бесконечно бескорыстная собачья преданность? Плакать? Но разве постижимо: остаться в голой степи и сторожить рваную шубу?! Лезбаю вспомнилось, как он поднимался с этого места. А если разобраться — всему виной Умсундык. Как-то он спросил у нее: «Где моя шуба?» Умсундык ответила: «Выбросила». Но тогда и не подумал, что исчезновение шубы и собаки так тесно связаны. Лезбая жгла досада. Он злился не то на себя, не то на Умсундык. Он схватил шубу и отбросил ее далеко в сторону. Маргау оскалил клыки и зарычал: «Если шуба не нужна, что же ты раньше не сказал?» Лезбай не испугался этого рычания и смело двинулся к собаке. Маргау завыл и, обиженно пролаяв, затрусил прочь.

— Маргау, Маргау!

Лезбай, запыхавшись, поднялся за псом на косогор. Маргау, подбежав к сосне, лег, повернувшись к Лезбаю. Точь-в-точь волк, готовый к прыжку. Осознавший свою

вину чабан, задыхаясь, подбежал к Маргау и протянул руку:

— Маргау — хорошая собака. Маргау не станет кушать хозяина. Маргау — добрая собака. Маргау не трогает Лезбая.

И правда — Маргау зарычал, но не двинулся с места. Как только теплая ладонь Лезбая коснулась лба Маргау, он прикрыл глаза и вытянулся, расслабившись. Что в этом мире может быть лучше, чем жить у человека, ощущать тепло его рук? Потом глянул искоса, будто спрашивая: «В самом деле ты, Лезбай?» — потом лизнул руку, щеку, ухо хозяина. Да, Маргау простил. Лезбай крепко обнял Маргау.

— Эх, пес ты мой, пес! — Он снял ремень и продел через ошейник. — Ну, Маргау, пошли домой!

Тот же прежний мягкий голос. Маргау, видно, вспомнились былые дни и он, поднявшись, последовал за хозяином.

Лишь на следующий день Лезбай с Маргау прибыли к зимовке. Все здесь знакомое, родное. И двор, и запахи. Незнакомой оказалась какая-то рыжая собака. Она даже не послушалась окрика Лезбая:

— Перестань, Сары-каска!¹

Собака оскалила зубы и рванулась навстречу, будто спрашивая: «Кто тебя звал сюда?»

Маргау тоже прорычал: «Я-то из этого дома. А ты от откуда взялась?»

Но ярость желтого пса не убывала: «Это наш дом, бирайся, пока не поздно!»

Маргау, нехотя прорычав, пошел по другую сторону оя: «Лезбай ведь сказал: перестань. Не будь глупым, перестань!»

Однако Рыжий, видимо, расценил это по-своему. Предчувствуя, что приход Маргау не случаен, решил

¹ Сары-каска — кличка собаки, буквально — «рыжий со звездочкой».

припугнуть наперед и первым воизил клыки. Маргау круто обернулся и, стрелой набросившись на рыжего пса, схватил его за шкуру, мотнул несколько раз из стороны в сторону и отпустил. Он гордо поднял голову, всем своим видом показывая свою независимость и силу: «Я не в таких переделках бывал, с волками сражался. Ну, что ты мне сделаешь?»

Рыжий пес уходил, покачиваясь. Долго еще доносились его жалобные вопли.

— Эх ты, сказано было тебе — перестань, вот и получай, что заслужил, — говорил, смеясь, Лезбай.

Услышав лай собаки, все высыпали во двор.

— Маргау, ой, Маргау! — Дабыр и Адыр стали наперебой бросать ему хлеб.

Но Маргау был стоек и равнодушен.

— Смотрите, дети, поосторожней: это не прежний Маргау, может и укусить! — предупредил Лезбай.

Дети в испуге замерли.

— Эй, да этот лохматый пес не наш, он не Маргау! — воскликнул Дабыр и попятился. — Наш Маргау не такой большой.

Адыр, стоявший позади, долго вглядывался в пса. Глаза их встретились, и тут Адыр вскричал:

— Маргау, конечно, это Маргау, чего обманываешь! — и, подбежав, обнял собаку. — Маргау, Маргау, куда же ты убежал от нас? Я так соскучился по тебе!..

Маргау скулил и стал лизать ноги мальчика: «Я ведь не забыл тебя, Адыр. Я сразу вспомнил твои умные глаза и светлое личико», — будто признавался пес.

Так Маргау легко восстановил прежние отношения с детьми, однако с рыжей собакой помирился с трудом. Поначалу он не подпускал Рыжего к себе, считая его шумным глупцом, однако позже понял, что он, несмотря на то, что набрасывается с лаем на всякого, кого увидит, по натуре своей существо беззлобное. Когда дают пищу, он не дерется из-за нее. И за отарой ходит все время

оглядываясь на Маргау: мол, правильно ли я поступаю? Поэтому у Маргау оттаяло сердце. Понял это и рыжий со звездочкой. Теперь он без Маргау и шагу не ступит. Когда Маргау, учуяв что-то, бросается вперед, наполняя степь гулким басовитым лаем, то рыжий со звездочкой следует за ним мгновенно. Заливаясь высоким лаем, он готов разделить с Маргау любую опасность. Одним словом, Рыжий служил Маргау, Маргау — Лезбаю, а Лезбай — совхозу — и все было дружно и хорошо. И надо же было случиться такой беде!

Глава третья

ОДИНОЧЕСТВО

Два дня пролежал Маргау в тальнике неподвижно. Не один раз появлялась знакомая машина с красной полосой. Взяв с собой Умсундык, парень в милицейской форме прочесал чуть ли не все кусты в округе. И звали Маргау, кричали до хрипоты, но Маргау не шелохнулся. Какая опасность угрожает ему, Маргау не знал, но чуьем своим понимал — вылезать из укрытия нельзя, и все плотнее прижимался к земле, свертываясь клубком в густом тальнике. Однажды преследователи остановились как раз напротив тайника Маргау — их разделяла только узенькая речка — как хорошо, что он перебрался на другой берег! — его не заметили. Умсундык даже привел на берег детей:

— А ну-ка, покличьте вы эту проклятую собаку.

— Чего зря звать? — стараясь быть равнодушным, ответил Адыр. — Маргау все равно не придет.

— Почему? Если знакомый позовет, почему ему не прийти? — не унималась Умсундык.

— Вы же вон сколько раз звали, не пришел ведь. Вы же тоже знакомая.

— Что говорит этот щенок?!— Умсундык раздраженно схватилась за голову.

А Адыр с мудростью взрослого продолжал:

— Папа, помню, рассказывал: хорошая собака гордо умирает, никогда на людях смерть не покажет. По-моему, наш Маргау именно из таких. Вот и убежал...

Умсундык промолчала. Махнула с досады рукой и направилась к дому. Милиционер, потеряв надежду найти Маргау, схватил рыжего кобеля.

— Это Сары-каска. Совсем не та собака,— запротестовала Умсундык.

Тот и слушать не стал:

— Если одна взбесилась, то и другая взбесится. Отвезем, проверим...

...Маргау лежал неподвижно. Неожиданно у реки появилась Умсундык. Женщина зачерпнула воды и удалилась. Уже около дома ее встретил какой-то всадник:

— Ау, где Лезбай, позови-ка.

— Нет его дома. Уже три дня, как уехал в район.

«Почему она не скажет, как было? Почему скрывает правду? Все так просто: водка кончилась, и Лезбай спустился в долину. Каргабек полез к Умсундык. Маргау должен был защищать свою хозяйку, едва не загрыз Каргабека. Все кончилось дракой. Приехала милиция Лезбая забрали. И почему люди хитрят, лгут?»— Маргау в который раз как бы задавал себе этот вопрос и не находил ответа. Однако он не дремал, уши улавливали малейший шорох, доносившийся с того берега.

— Лезбай арестован. Дело приняло крутой оборот Каргабек, говорят, взбешен.

Услышав имя Лезбая, Маргау, истосковавшийся по своему хозяину, начал было стонать, тихонько подвывая. Мальчики, игравшие за домом, замерли, прислушиваясь.

— Не Маргау ли наш стонет?— спросил Ады растерянно.

— Где?— встрепенулся Дабыр.

— Мне показалось, будто Маргау воеет.

Правда, и мне тоже показалось, — поддержал брашнику Дабыр, хотя он ничего и не слышал.

Умсундык, провожая всадника, наказала ему:

— Передай Каргабеку привет. Обидь обидами, а зачем губить человека? Какая ему выгода от того, что посадит Лезбая в тюрьму?

Когда всадник уехал, Умсундык погнала овец на пастбище. Маргау охватила тревога. Ему, привыкшему сопровождать овец в любую погоду, было не в состоянии молча наблюдать за удаляющейся отарой.

Беспорядочным гуртом овцы устремились к реке, на водопой. Маргау тоскливо заскулил: все пятьсот овец до последнего ягненка знакомы ему. Он хорошо знает повадки и даже запах каждой. Вон того барана с изогнутыми рогами Маргау сразу узнал. А та овечка с белой звездочкой на лбу очень ленивая. Как-то раз Лезбай и Маргау с трудом нашли ее в степи. А вон того барашка, который так и норовит отделиться от отары, Маргау так ударял грудью, что тот катился кубарем.

Первая к водопою подошла большущая овца, дождная, медлительная. Маргау и Лезбай любят ее: Лезбай — за то, что каждый год она приносит по четыре ягненка. Он и корма задает ей отдельно от других, побольше.

Серая овца напилась, а потом долго стояла, всматриваясь в тальник на противоположном берегу. Учужала ли запах Маргау, кто знает, но начала бляеть. Маргау не выдержал, забыв об опасностях, он сделал рывок, чтоб перескочить на другой берег, но боль сковала его. Он снова припал к земле, глухо простонав.

Овцы, утолив жажду, одна за другой удалялись. Маргау снова попытался встать, но силы оставили его. Почувствовал свою беспомощность, он прикрыл глаза.

Так продолжалось три дня: без движения, без еды, без воды Маргау пролежал в тальнике. О Лезбае ни

каких слухов. Рыжий со звездочкой тоже как в воду канул. Не появлялась и машина с красной полосой. Куда-то девались и всадники, которые наведывались к Лезбаю. Будто забыли, что есть на свете Лезбай. А дома? Обычная суета, будничные хлопоты. Овец теперь пасет Умсундык, правда, выгоняет она их позднее прежнего, а пригоняет раньше. Когда овцы уже на пастбище, просыпаются Адыр и Дабыр. Попьют коже¹ или айрану и идут к реке. Там они играют. Роят ущелья, сооружают горы, строят дворцы. Все чаще и чаще вспоминают дети отца: и почему его до сих пор нет?

Адыр объясняет:

— Наш отец в районе на собрании. Как только кончится собрание, он сразу вернется домой.

Дабыр молчит: так это или не так, только по душе ему эти слова.

— А больше всего Маргау жалко. Уж он-то не на собрании. Значит, может не вернуться...— рассуждает Адыр.

— Откуда знаешь, может, он за отцом побежал?— попробовал успокоить брата Дабыр.

— Ну да, как же Маргау побежит, если у него нога сломана?

Маргау снова не выдержал — мальчики так часто называли его имя. Он приподнял голову: раз-другой пролаял и тихо завыл.

Адыр насторожился:

— Слышишь — Маргау, это его голос, Маргау!..

— Вроде бы да...

Мальчики, стоя у самой кромки воды, позвали:

— Маргау! Маргау! На, на! Маргау, на!

Маргау с трудом выполз из тальника:

— Гав! Гав!

Адыр увидел первым:

— Вон Маргау!

---

¹ Коже — напиток из кислого молока с отварным пшеном, рисом или пшеницей.

— Я тоже вижу! — воскликнул Дабыр.

— Маргау, Маргау! Иди сюда!

Маргау не двинулся с места.

— Не идет, — обиделся Адыр.

— Плохо зовем, — оправдывался Дабыр, — Маргау, па, па! Маргау!

Но Маргау не двигался. Адыр предложил:

— Он же проголодался. Ему надо скорей поесть!

Мальчики побежали домой и вскоре вернулись с хлебом, маслом, мясом. Маргау, голодавший три дня, жалобно заскулил и чуть-чуть прополз вниз. Бедро снова невыносимо заныло. Может, поэтому у Маргау и вырвались звуки, похожие на детский плач.

— Маргау зовет нас, пойдем к нему на тот берег.

— Ты маленький, поскользнешься, упадешь в воду, я пойду один, — сказал Дабыр брату.

— А ты держи меня за руку и я не упаду.

— Утонешь. Тогда Умсундык меня уьет.

Собака вновь пролаяла.

— Слышишь, Маргау зовет меня, иди, говорит, скорей. — Дабыр полез в воду.

— Нет же, он говорит: «Не оставляй Адыра, переходите вдвоем».

Маргау опять залаял.

— Вон, сам же слышишь, — настаивал Адыр.

— Ладно, только держись за меня крепче.

Мальчики осторожно ступают по дну. Но на середине реки вода вдруг вспенилась и зажурчала как будто сильней.

— А не упадем? — спросил Адыр со страхом.

— Ты, может, и упадешь, а я нет, — хвастливо ответил Дабыр и пошел впереди. Но с первым же шагом он почувствовал, что течение захватило его и понесло ниже и ниже, в глубину. Адыр, испуганный, осторожно нащупывал дно, продолжал медленно продвигаться к берегу. В это время Дабыр нащупал ногой большой камень и окликнул брата:

— Эй, иди сюда ближе!

Он занес ногу, чтобы встать на камень, и, едва дотронувшись до скользкой поверхности валуна, очутился под водой.

Захлебываясь, он выпустил из рук масло и мясо. Тем временем Адыр не торопясь достиг берега и оглянулся. Хвастливый герой уже бежал к дому.

— Эй, а где мясо и масло?

— Уплыло.

— Ты принесешь?

— Нет.

— Почему?

— Ты хочешь, чтоб я утонул из-за собаки?

— Не утонешь. Не бойся.

Однако Дабыр не вернулся.

— На, Маргау, ешь.— Адыр достал из-за пазухи хлеб.

Проголодавшийся Маргау мгновенно проглотил лепешку, подполз поближе к Адыру и благодарно лизнул ему ноги. Мальчик не остался в долгу — он нежно гладил собаку по голове.

— Где же ты, Маргау, пропадал целых три дня?

Маргау вместо ответа жалобно заскулил.

— Знаю, знаю, ты спрятался. И хорошо, что спрятался. А то бы тебя тоже увезли, как Рыжего. Теперь вряд ли он вернется.

Солнце стало уже клониться к горизонту, а мальчик и собака все сидели вдвоем.

Вдруг Маргау поднял морду к небу, повел носом и пополз в кусты.

— Маргау, куда ты?

Маргау не вернулся. С той стороны раздался голос Дабыра.

— Адыр, переходи скорей обратно. Умсундык идет. Ругаться будет.

Только теперь Адыр понял, почему уполз Маргау.

— Эй, Дабыр! Не говори Умсундык-тате, что мы ви-

он Маргау. А то посадят его в машину и отправят в район. Ладно?

Ладно. А ты давай скорее назад.

Как я перейду? Что я теперь, из-за того, что она ругаться будет, утонуть должен, что ли? Иди, помоги! Еще чего! Хочешь, чтобы и я утонул?

— Или пусть придет Умсундык и сама меня переведет на тот берег.

— Она не переведет. Гляди, еще побьет тебя.

— Пусть бьет...

— А ты будешь плакать.

— Ну и пусть...

Дабыр не знал, что дальше говорить. И тут раздался голос Умсундык:

— Эй, детки, где вы? Помогите овец загнать!

Дабыр побежал и вскоре вернулся с Умсундык.

— Вон он сидит, вон.

— А зачем он перешел на ту сторону?

— Не знаю. Вроде Маргау увидел, что ли,— ответил Дабыр, помолчав.

Адыр закричал:

— Врет он, тате. Я не говорил, что видел Маргау.

— А зачем перешел?

— С Дабыром поспорили. Он говорит: «Ты маленький, не перейдешь. А я — большой, я могу перейти». И пазло и перешел. А Дабыр, хоть и большой, упал в воду, когда шли.

— Врет Адыр,— начал было Дабыр, но Адыр покачал ему кулак с того берега.

Умсундык провела пальцем по щеке в полном недоумении: «Что это они?»

Адыр не умолкал:

— Скажи, неправда, что ты упал? Ага, не признаешься?

К счастью, Умсундык не придавала значения словам о собаке. Подняла подол платья и, перейдя на тот берег, перенесла Адыра на руках.

— Вот к чему приводит упрямство. А если, упавши аллах, утонул бы, что бы я тогда твоему отцу сказала?

Маргау зевнул в своем укрытии. Если бы он был человеком, то, конечно, сказал бы: «Выходит, это тебе больше мучило бы, чем гибель ребенка?»

Пес добрался до своего логова и устроился поудобнее. Похоже, еда его больше не заботила. Да и не это главное. Одна у него печаль — Лезбай. Истосковался по нему, по теплым хозяйским ладоням. Конечно, если бы Лезбай был дома, Маргау не лежал бы здесь. Его место там, около дома. Лезбай так же, как позапрошлой зимой, потер бы ему бедро, поставил бы кости на место, посыпал лекарством рану, перевязал. Потом, через некоторое время, Маргау вытечился бы. Маргау положил голову на бугорок и завыл...

Седьмой день Маргау не выходит из тальника. Хорошо, что теперь его кормят. Как только Умсундык уходит с отарой, Адыр и Дабыр идут к речке и бросают Маргау еду. Ползком спускается он к воде и ловит все, что летит к нему с другого берега. Потом шумно лакает воду.

Сегодня, как и всегда, Умсундык погнала пасти отару, а Маргау в отличие от прежних дней, не стал ждать прихода ребят. Он спустился к речке и начал выть с какой-то щемящей тоской в голосе.

Дабыр и Адыр забеспокоились.

— Давай скорей, Адыр. Слышишь, Маргау зовет. Наверно, проголодался сильно, раньше он так не выл, — торопил Дабыр.

А у Адыра мысли совсем другие:

— Знаю, знаю!

— Что ты знаешь?

— Почему воет Маргау.

— Ну и почему?

— Сегодня отец приедет.

Дабыр слезливо простонал:

Папочка, папочка, на кого нас покинул? Если бы ты шел, как я по тебе соскучился.

Чего нюни распускаешь? Будешь реветь — не придет отец. Что тогда станем делать?

Дабыр вытер слезы.

Тогда давай отнесем Маргау поесть.

Маргау к тому времени, волоча заднюю ногу, уже перебрался на этот берег. Подойдя к дому, он стал лаять, глядя на дорогу.

Когда Адыр и Дабыр вышли из дому с хлебом, с косточками, Маргау уже был около дверей. Дабыр и Адыр поразились такой смелости.

— Я же говорил, что проголодался. Видишь, проголодался и сам пришел, — говорил Дабыр, бросая Маргау еду.

Маргау в два-три глотка съел все, что дали ребята, и, наострив уши в сторону низины, стал лаять. Ребята глянули туда и увидели темневшую вдаль машину. Она двигалась сюда.

Адыр чувствовал себя победителем:

— Я же говорил, отец едет. Маргау первый учуял, что едет отец, видишь — вот и вернулся.

Дабыр промолчал. Может, и вправду отец едет? Спорить с Адыром даже взрослому трудно. Как говорится, палец в рот не клади — откусит.

Чем ближе подъезжала машина, тем больше волновались и дети, и Маргау. С громким лаем собака, волоча ногу, бросилась навстречу машине. С криками: «Отец, отец!» побежали ребята. Но вот машина остановилась и из кабины вышел не отец, а Канат.

— Ой, это же ага — брат наш!

— Алакай, алакай!¹ Ага приехал!

Канат поцеловал младших братьев, которые повисли у него на шее:

— А где тетя Умсундык?

---

¹ Алакай — радостный возглас.

Ты бы лучше про отца спросил,— обиделся Адыр Канат нахмурился:

— Я знаю, Адыр, где отец.

— Ну, и где он?

— Заезжал дорогой в райцентр, оказывается, его от правили в Алма-Ату.

Мальчики, опечаленные, умолкли. Маргау пролаял несколько раз, как бы возмущаясь: «Что же страшного он сделал?»

— Э, Маргау, дома, оказывается?

Мальчики заговорили наперебой:

— Когда отца увозили, Маргау спрятался.

— Маргау учуял, что ты едешь, и вот только сейчас подошел к дому,— пояснил Адыр.

— А разве не все равно, отец приехал или ага, когда всем так тяжело.

Опустив братишек на землю, Канат направился к Маргау, который, скуля, подползал к нему.

— Маргау, Маргау! Ты меня узнал?

Маргау завил хвостом, выражая радость и признание:

— Гав, гав! Еще бы не узнать! Я ведь был еще щенком, когда тебя узнал! Еще вчера мой нос уловил твой приезд, вот и вылез я из укрытия.

Канат удивился: Маргау был как две капли воды похож на свою мать — Джейхун. Он погладил собаку по спине. Маргау приподнялся на передних лапах. Потом долго лаял, глядя Канату в глаза, будто жалуясь. Глаза собаки навевали печаль: «Каргабек опозорил твоего отца. Посягнул на его честь. Я, сам видишь, покалечен, мальчики без отца. А Каргабек наслаждается свободой».

— Хоть когда-нибудь, лишь бы вернулся,— продолжал Адыр.

Канат провел рукой по ноге Маргау, тот вздрогнул, орызнулся. Но не было в нем гнева, это говорила боль. Другая собака на его месте, наверно, жалобно скулила

бы, прося о помощи. Маргау же... гулко пролаял и умолк. «У собаки сломано бедро,— догадался Канат.— Если не оказать ей срочную помощь, вряд ли поправится». Это было очевидно, Канат вопросительно взглянул на братьев:

— Отец вернется, а как быть с Маргау?

Адыр, не по возрасту мудрый, ответил:

— Агатай, забери Маргау с собой в Алма-Ату. Если тут останется, из района приедут и его все равно пристрелят. И если даже не пристрелят, то Умсундык зле на него, все равно не оставит в живых.

Канат задумался. Конечно, он не знал подробностей разыгравшейся здесь драмы, он лишь имел кое-какие свои предположения, более того, убежден был — в этой истории замешана Умсундык. Те, кто приезжает из аула в Алма-Ату, многозначительно усмеваются, другие — откровенно осуждают Каргабека, Канат болезненно воспринимает все это. Однажды, не выдержав, он сказал отцу:

— Отец, аул полон пересудов и сплетен. Надо положить этому конец.

Но отец и не думал прислушиваться к его словам, отрезал:

— Дорогой мой, людская молва разве станет малышам моим матерью, а мне — женой? Пусть болтают!

И вот к чему привела беспечность и отцовское сердоболние. Что делать? Одно — высказать Умсундык в глаза все, что накипело в душе, все, что о ней думает. И что? Нет, это неразумно. Надо сначала узнать подробнее о случившемся и тогда только решать. Канат знал, что встреча с мачехой до добра не доведет, и принял крутое решение:

— Эй, Дабыр, Адыр, быстренько одевайтесь и — в машину. Повезу вас в Алма-Ату, к отцу.

Дабыр с радостным криком побежал к дому. Адыр оставался на месте.

— А Маргау куда? Оставим одного?

Канат посмотрел на собаку. Думая об отце, он совсем забыл про нее. Маргау лежал, расслабленный, неподвижный, положив морду на лапы и искоса поглядывая то на старшего брата, то на младшего. Пес встретился взглядом с Канатом и тихо заскулил: «С первых дней я честно служу вам. Семь дней прятался в кустах, семь дней ждал отца или тебя. Я стал калекой, и вы теперь бросите меня?»— Канату показалось, что Маргау именно так и говорит ему. Вспомнился шлагбаум при въезде в Кортугай. На той стороне свирепствовал ящур. Карантинный пост проверяет каждую машину и проводит всех пассажиров по опилкам, залитым специальным раствором. Как же провезти собаку?

— Наверное, придется оставить.

— Что вы, агатай,— встрепенулся Адыр,— нельзя оставлять. Только мы уедем, Маргау умрет, убьют его.

— Карантинный заслон на пути, все равно собаку не пропустят.

— Тогда и я не поеду, останусь с Маргау.

Маргау каким-то своим чутьем понял по выражению лиц, о чем идет разговор. Залаял, глядя на Каната. И тому послышалось: «Что же, если не хочешь, не надо. Так тому и быть. Да сопутствует вам удача!»

— Ладно, рискнем, Адыр, идите, одевайтесь. Заберем и Маргау.

Обрадованные дети побежали к дому.

А вскоре «Жигули» развернулись и скользнули в нищину—по той же самой дороге, которая и привела их сюда. Собака и Адыр устроились сзади. Дабыр и Канат впереди. Их уводила извилистая дорога джайляу.

Неожиданно откуда-то со стороны раздался женский голос:

— Эй, Канат, стой!

Канат оглянулся и увидел Умсуыдык на коне. Сердце так и обмерло. Не хотел ведь он с ней встретиться, как же теперь быть?

Голос Умсундык слышен теперь совершенно явно:

Какой позор — не повернуться, когда зовут! Стойте, говорю вам!

Вишневые «Жигули» свернули на обочину. Маргау замолчил все вокруг своим лаем: высказывал недовольство остановкой или не хотел видеть Умсундык.

Умсундык без тени приветливости, скорее, пожалуй холодно, сдержанно, процедила:

— Что это ты убегаешь, даже поздороваться толком не соизволил?

— Никто не убегает, — хмуро ответил Канат.

— Зачем приезжал?

— Захотел — приехал. Захотел — еду обратно.

— Как ты со мной разговариваешь, дорогой! Может, ты думаешь — это я отца твоего упекла за решетку? — взырилась Умсундык.

— А кто же? Я все знаю. Не прикидывайся невинной овечкой, Умсундык.

— Ах, гниль, ты что говоришь? Что ты знаешь? — Умсундык подхлестнула коня и подъехала к машине вплотную, готовая к нападению. — А-а, вон оно что, собака для тебя дороже меня, оказывается? Ты за ней приезжал?

— А ты думала — за кем? За собакой и братишками.

Глаза Умсундык вспыхнули от ярости, зло сверкнули.

— Тогда заберите и свою скотину. Не хватало еще, чтобы я собирала ваше дерьмо! — и, резко развернув коня, она поскакала прочь.

— Еще как будешь собирать! Пришла бы ты к отцу, если бы не его скот и добро?! — крикнул Канат ей вслед. Гнев душил его, у него дрожали руки и ноги, и он с трудом сел за руль.

Мальчики молчали. Машина вновь вышла на дорогу. Слева вдоль хребта бежит речка Каркара, будто состязаясь с машиной. Река, постепенно вобрав в себя воду из всех встречных саев-оврагов, серебряных ключей,

слезливых ручейков, становится полней, наливается мощью, и шум ее течения удивительно гармонирует со звуками мотора.

Прошло довольно много времени. Канат вел «Жигули» в обезд холма Айган. Маргау залаял, высунув голову в окошко, он как будто чего-то требовал. Почему он так заволновался? Маргау помнит в этой округе все до мелочей: от пробежавшего мимо мышонка до каждого сая-оврага, пригорка, лощинки: «Эй, Канат, эй, Адыр, подождите! Ведь на этом холме лежит ваша мать, задержитесь хоть на минуточку, чтоб постоять у ее могилы!» Однако никто не попытался понять волнение собаки. Мальчики, впервые едущие в город, размечтались. А мысли Каната, сидящего за рулем, все еще вертелись вокруг неприятной сцены. Холм уже виднелся далеко позади. Мать, нашедшая здесь последнюю обитель, благословляет трех своих сыновей и желает им блага в пути.

— Ай, Адыр, что это твоя собака разбушевалась? — спросил Канат, у которого настроенное заметно падало. Адыр и на этот раз не растерялся. Он посмотрел на Маргау, потом поглядел в окна налево, направо, пытаясь понять, что же могло встревожить Маргау.

— Агатай, остановись!

Канат нажал на тормоза.

— Мы проехали Айган-тобе. Там мамина могила. Вот почему лаял Маргау. Я это понял.

Канат стал себя укорять за то, что, проезжая мимо могилы матери, не вспомнил о покойной, и вышел из машины. Мальчики последовали за ним.

— Агатай, давай вернемся, хоть постоим немного.

— Давайте, — поддержал Дабыр..

Канат задумался на минутку. Солнце уже клонилось к закату, а дорога дальняя. К тому же надо дать крюк километров сорок-пятьдесят, чтоб объехать контрольный шлагбаум, иначе Маргау в городе не бывать. «Что делать? — задумался Канат. — Какой жестокий мир, и не-

но бывает, что человеческая теплота должна вступить в конфликт с общественными порядками. В таких случаях кто не растеряется: туда повернешь — телега сломается, сюда — конь сдохнет».

Мать умерла, ее не вернешь, но мы ее помним, и сейчас нам необходимо срочно позаботиться о живом ребенке, и Канат сел в машину.

Неизвестно почему, но, когда машина тронулась, Маргау приткнулся мордой к заднему стеклу и долго кукарекал. Канат чувствовал себя виноватым перед мамой матери, да еще этот собачий не то что вой — топот. Он прикрикнул:

– Замолчи, Маргау! И без тебя тошно!

Маргау, как-то виновато оглядевшись, умолк.

А Канат по-своему истолковал собачье завыванье: Прости, Айган, сыновей своих, не огорчайся! Они у тебя неплохие. Не остановились возле тебя, но они спят сейчас. Не задерживай их». Дети, которым вспомнилась мать, сидели нахохлившись, как птенцы.

Солнце повисло над горизонтом, готовое вот-вот спуститься за горы. Чем ближе подъезжал Канат к развилке, тем больше задумывался: «А не рискнуть ли поехать прямо?» Помог случай: встречный шофер, знакомый еще по аулу, объяснил, что пост проверяет машины, идущие из города, отсюда же путь свободен. Преодолев контрольный пост, машина вышла на асфальт и, набирая скорость, легко помчалась к городу. Братья заметно оживели. Молчал лишь Маргау: он, похоже, был поражен тем, что можно, оказывается, бежать по вольной степи. Маргау молчал. Он уезжал, может быть, навсегда, от привычных степных просторов. Перед ним вырастал огромный город, раскинувшийся у подножия гор в белоснежных шапках, затянутый голубоватой дымкой. Здесь живут люди, а что он, этот неизвестный город, сулит ему, Маргау?

СКИТАНИЯ

Чем ближе они подъезжали к городу, тем больше встречалось машин, больших и малых. Может быть, поэтому и земля стала тесней, и воздух плотней, и дышалось труднее. Особенно худо приходилось, когда «Жигули» обгоняли, изрыгая клубы черного дыма, громадные грохочущие машины. Этот смрад сжимал горло, перехватывал дыхание. Маргау совсем потерял покой. Он начал скулить, царапать дверцу: «Куда меня везете, где моя прирительная широкая степь?»

Почти у самого города Канат вклинился в ряд машин и вскоре остановился. Это был настоящий ад. Маргау, не терпящий бензина, сделал вдруг для себя «открытие»: этот неприятный смрад выстреливался струей из железных ящиков, откуда трубки тянулись к подхевшим машинам. И люди здесь почему-то озабоченные, сердитые, ругаются, кричат друг на друга. Ни единой улыбки — все хмурые. Маргау уже готов был ринуться в бой, прыжок-другой — и вся толпа мгновенно рассеялась бы. Но тут к ним приблизилась очередная громадина, из кабины высунулась голова с глазами навывкате.

— Эй, мелюзга, чего тут торчишь? А ну-ка, давай отсюда вместе со своей собакой!..

Даже всегда сдержанный Канат пришел в ярость. Он хотел было ответить как следует этому пучеглазому, но остановил чужака Маргау, который уперся передними лапами в боковины открытого окна и, высунув голову, оглушительно рывкнул (мол, помолчи, плотку перегрызу!) Лупоглазый водитель быстро пришел в себя и, пойдя к Канату, сказал:

— Э-э, да это же великан среди собак!

— Отойдите, не то выпущу собаку! — кипел Адыр.

Пучеглазый попятился.

Моя собака не раз таким языкастым рот затыкала! — и восторге добавил Адыр.

Ну и псина! В жизни такую не видел! — бормотал вполголоса, удаляясь...

Машинка остановилась перед высоким домом.

Вот здесь живет ваша женге Нагира, — сказал Канат, выходя из машины.

А ты где? — спросил с удивлением Адыр.

Я тоже здесь живу.

Тогда почему ты говоришь о ней отдельно?

О, ваша Нагира-женге замечательный человек! — Видно, Канат хотел подготовить ребят к встрече с ней. В общем, он не без причины стал нахваливать свою жену.

Имя «Нагира» Маргау слышал не однажды. В летние жаркие месяцы эта светлолицая рыжеволосая женщина не раз приезжала вместе с Канатом на джайляу. Он помнит ее запах: его не спутаешь ни с чем, это особый, единственный запах. От Каргабека запах как из чрева ада, от нее — благоухание. И еще, Нагира не похожа ни на одну из местных женщин. Обычно они хлопочут то в овечьем загоне, то у очага с казаном, а Нагира любит сон. И спит до тех пор, пока Лезбай не придет к полулю пить чай. Потом вместе с Канатом она идет к речке, купается, загорает, опять купается. Потом смазывает себя сильно пахнувшей жидкостью. Маргау не очень нравится этот запах, но не сравнишь же его с запахом водки и бензина! И он прощает ей этот запах еще потому, что Нагира красивая, со всеми и с ним, с Маргау, добра.

— Ну что молчите? — обратился Канат к братьям. — Вон, даже Маргау хвостом виляет, услышав имя Нагира.

— Посмотрим, как встретит. Тогда и узнаем, хороша или плоха. А ты, Маргау, не прыгай попусту, — Адыр потянул пса за ухо. — Ну, пошли.

Маргау заскулил и опять завиллял хвостом, словно прося помощи: — «Я же сам не смогу сойти».

— Маргау не может идти, давайте поднимем его,— сказал Адыр.

Канат достал из багажника веревку, продел ее под живот собаки и два конца вручил ребятам.

— Передние ноги здоровые же, ими Маргау пусть сам идет. Третий этаж. Ну, поехали...

...Дверь открыла сама Нагира. Маргау узнал ее сразу.

— Гав, гав!— так он приветствовал хозяйку дома.

Хоть в голосе собаки нисколько не было зла, Нагира поятилась, схватившись рукой за сердце.

— Не узнала, Нагира? Это же Маргау!— неизвестно почему, Канат говорил громко.

— Какой еще Маргау?— прошептала в страхе Нагира.

— Да обыкновенный! Как ты могла забыть — это же отцовский волкодав, от скольких бед выручал он отца.

Нагира, кажется, вспомнила. Но радости это ей не доставило.

— Что с ним?

— Кто-то попытался баранов украсть из отары, да Маргау помешал, однако, видишь, как его покалечили.

— И что, поэтому привез его сюда, чуть ли не с края света?— уже с издевкой спросила Нагира.

— Ой, Нагиражан, это же тот самый шенок, которого, помнишь, я покупал пять лет назад,— оправдывался Канат.

— А какая мне разница...

Канат почесал затылок. Нагира, вроде, смягчилась:

— Две маленькие комнатки, где же тут собаку держать?

Мальчонки переминались с ноги на ногу у порога, не смея войти. Маргау по привычке положил голову на пол и лежит неподвижно, зорко наблюдая за жестами и лицом Нагиры. Неприветливость женщины его не огорчила. Потому что Нагира не принадлежит в его понятие к числу злых и недобрых женщин.

А Канат все уговаривает жену:

Нагирочка, ты же у меня умница. Отец сама знаешь, престован. Маргау — это собака, которой он дорожит не меньше, чем детьми. Если завтра он спросит: «Где моя собака?», что мы ему скажем?

Нагира, кажется, только теперь заметила детей:

— А вы чего тут стоите, стенки подпираете? Марш в комнаты!

Адыра, стоявшего с сердито надутыми щеками, словно прорвало:

— Как же нам проходить?! Мы ехали с радостью — в городе наша Нагира-женгей живет, соскучились по ней. А ты встретила будто скалкой по лбу.

Нагира повернулась к мальчику и застыла в удивлении. На лице ни тени злости. Наоборот, в глазах веселые искорки. Канат решил воспользоваться моментом:

— Так тебе и надо. Вот и поговори еще со своим дедерем Адыром!

— Ой, да это ты, Адыр? Ох, как ты вырос, ну настоящий джигит! — и Нагира, приподняв Адыра, поцеловала в щеку.

Неожиданно залаял Маргау, гулко, на весь дом — он по-своему выражал свою радость.

— Ой! Еще укусит, чего доброго, — испугалась Нагира.

— А что? Так ласково встречаешь, что может и укусить! — поддел Канат.

— Не бойтесь, Маргау не укусит, — с наивностью мальчишки стал уверять Адыр. — Маргау знает, кого и когда кусать.

Канат расхохотался. Нагира тоже звонко смеялась, ее умилял Адыр.

— Язык-то у него, как стрела! В роду у вас, вроде бы, не было острословов. В кого ты такой языкастый пошел?

А Адыр продолжал:

— Один день не покормите — и конец нам. Скажи, Маргау, разве не так?

Маргау в подтверждение слабо простонал.

Нагира повеселела.

— Не бойся, Адыр, и кормить будем, и поить. Это твой дом, располагайся в нем. Если я была не в духе, то из-за вашего братца: поехал за отцом, а привез собаку.

И Нагира повела мальчиков в комнату.

— Нет, женгей, я не могу туда пойти, если Маргау останется у порога.

— И собаку твою проведем на почетное место. Только сначала выкупаем, покажем доктору.

Маргау не ошибся, хотя Нагира и встретила их с прохладцей. Женщина она доброго нрава.

Всю ночь Маргау вел себя беспокойно. Ему, выросшему в привольной степи, этот коридор показался узким логовом. Он стеснял дыхание, лишая покоя. Маргау несколько раз подходил к двери и царапал ее. «Не шуметь после одиннадцати вечера» — таково условие городской жизни. Но Маргау оно не волновало. Он то и дело гулко лаял, нарушая сон спящих. Канат даже выводил его на улицу. Но пес не переставал лаять. Проснулись Адыр и Дабыр. Нагира уже потеряла всякое терпение, и Адыр пытался ее успокоить:

— Ты знаешь, женгей, Маргау соскучился по отцу. Когда сюда ехали, он ведь не лаял. Он думал, что увидит моего папу. А его нет. Поэтому он лает, говорит: «Зачем меня сюда привезли? Найдите его!» Если бы сейчас вошел отец, Маргау сразу бы успокоился.

Нагира понимает, что это желание самого мальчишки. Если бы Лезбай вернулся...

— Он ничего не украл, никого не обманывал. Не станут же человека ни за что держать. Скоро придет наш отец.

— Вашими бы устами, да мед пить, женгей! Пусть сбудутся ваши слова.

Нагира удивилась, что маленький Адыр, как взрослый, знает даже эту поговорку.

Успокоившаяся было собака вновь залаяла. И тут же раздался звонок.

— Кто там?— недоуменно спросил Канат, раздраженный бессонной ночью.

— Открой же! Сосед ваш,— сказал строгий голос.

Дверь открылась. В ней появилась лысая голова. Канат, понимая, что этот поздний визит не сулит ничего хорошего, был предельно вежлив:

— О, сосед! Извините, что не узнал сразу. Проходите.

Сосед, не обратив внимания на приглашение, возмущенно спросил:

— Что за мода держать в квартире собаку? Спать людям не даете.

— Понимаете ли...— начал было Канат объяснять ситуацию, но сосед резко оборвал:

— Ничего не хочу понимать. Уберите с глаз долей этого пса. Иначе же вызову милицию.

— А что, разве милиция запрещает держать собак?

Сосед удивленно оглянулся, когда услышал детский голос. Откуда он? И увидел за лежащей на полу громадной собакой мальчика. Канат обернулся и замаялся. Невольно улыбнулся и сердитый сосед:

— Ты кто такой речистый?

— Мужчина.

Сосед захохотал.

— Вижу, что мужчина. Я не о том спрашиваю: кто ты такой?— неуверенно спросил сосед.

Адыр продолжал наступать:

— Если знаете, что мужчина, зачем спрашивать?

Соседу, видно, хотелось разговорить мальчонку. И он начал поддевать его:

— Подумал, не собачонка ли это рядом с таким псом сидит?

— Если дожили до этих лет и не можете отличить

человека от собаки, что с вами разговаривать?— Адыр махнул рукой.

Сосед почувствовал некоторую неловкость:

— Эй, да этот курносый, я вижу, не хуже своего пса огрызается!

— Чем быть плохим человеком, лучше быть хорошей собакой,— ответил Адыр.

Теперь уже неловкость испытал Канат. Он одернул брата:

— Адыр, не говори так. Наш сосед — большой ученый. Он профессор университета, в котором ты будешь учиться, когда вырастешь.

— Нет, самая хорошая собака — это же Маргау. А меня можете просто щенком назвать.

— Да мальчонка-то этот — не промах!— воскликнул лысый, удивленно глядя на Каната, потом повернулся к Адыру:

— Собака у тебя — нехорошая собака. Хорошая собака лежала бы и молчала. Что толку в собаке, которая лает всю ночь и не дает спать ни вам, ни нам?

Адыр подошел к соседу поближе и стал шептать с детской наивностью:

— Маргау, знаете, страшно тоскует. Он приехал сюда повидать моего отца. А его нет. Как же ему не лаять? Я тоже соскучился по отцу. Спать всю ночь не мог. Но я молчу. Если бы я кричал и плакал вместе с Маргау, то, наверное, и ваша жена пришла бы нас ругать. Но я не плачу...

И все же у Адыра из глаз покатались слезы. Заметив это, Маргау залаял. Адыр подбежал к нему и обнял за шею. И тут мальчик заплакал навзрыд.

— Молчи, Маргау,— кричал он сквозь слезы.— А то тебя увезут и застрелят. Понял? Молчи, если ты умный, лежи и ни звука!

Чем больше успокаивал пса плачущий Адыр, тем громче лаял Маргау. Весь огромный муравейник, населенный людьми, наполнился детским плачем и собачьим

тем. Из дальней комнаты показалась Нагира. Она была подчеркнута сдержанна:

— Оу, милый сосед, чем мы провинились, что среди ночи гостя нашего обижаете? Думаете, от хорошей жизни мы собаку эту здесь держим? Вот выйдет наш отец, и тогда ни мальчишку, ни собаку тут на аркане не удержите, укатят к себе в степь. Потерпели бы день-другой...

Сосед теперь, видимо, сожалел о своем вторжении. Единственное, что сказал:

— Будьте же поосторожней. Что хорошего, если среди ночи собака лает, лишая всех покоя,— и закрыл дверь.

— Спасибо, агасы¹,— сказал Канат, шелкая задвижкой.

Так провел Маргау свою первую ночь в городе...

Лезбай и Маргау, будучи почти всегда с отарой, привыкли спать мало. Бывало притулятся где-нибудь, в степи ли, дома ли, несколько минут подремлют и тут же встают — идти за отарой. А в городе все не так. Приходят с работы, ужинают. Потом смотрят телевизор, ложатся в мягкую пуховую постель и спят всю ночь, которая собаке показалась бы вечностью.

Вот и сейчас: уже давно рассвело. Солнце высоко поднялось, в эту пору овцы направляются к водопою, а Маргау мчится по душистой, пахнувшей травами, широкой равнине, подгоняя отару к реке. А эти еще и глаз не открыли. Коридор, будто шель, не повернуться. Даже хорошего шагу не сделаешь. Маргау затосковал по степи. Ему захотелось ощутить острый запах полыни, земли, овечьей шерсти, пегого коня и Лезбая. Все внутри горит от этого желанья. Маргау невольно открыл пасть. Пламя, сжигавшее вне нутро, словно птица, вырвалась из стесненной груди резким и долгим звуком. Канат и На-

---

¹ А г а с ы — обращение к старшему.

гира, только на рассвете сомкнувшие глаза, испуганно вскочили.

— Это же не жизнь! Что дальше будет?— спросила Нагира.

Канат ничего не ответил. Взглянул на часы и заторопился:

— Ой, да уже восемь!— и стал одеваться.

— Что с собакой-то будешь делать?

Неожиданно вспомнились Канату слова Адыра, сказанные этой ночью. Очень верные слова, которые и взрослому на ум не придут.

— У этого пса действительно душевная тоска, как говорит Адыр. Надо, наверное, какую-нибудь одежку отца раздобыть.

Нагира запротестовала:

— Ты хочешь из-за старой одежки машину гонять за триста километров?

Канат промолчал. Нагира тоже больше ничего не спросила. Так они молча позавтракали. Накормив Маргау, вывели на улицу — идиллия!

Прошло девять часов. Машина Каната затормозила перед высоким зданием. Поток людей тянется то с одной, то с другой стороны и, сливаясь в один, протекает в большую дверь.

— Кажется, мы поняли друг друга?— сказала Нагира, выходя из машины. В голосе — многозначительность.

— Адыр не будет плакать?

— Неужели мы не сможем утешить семилетнего ребенка?

Канат задумался:

— А отец обидится, это точно. Скажет, зачем привез, если такое дело, не трогал бы...

— Ладно, не расписывай страхи и ужасы. Некогда мне. Людям нужен покой. Сделай, как уговорились, и скорей возвращайся.— С этими словами Нагира направилась к зданию.

Канат и Маргау остались одни. Вряд ли Маргау по-

нит, о чем они говорили, но, поглядев на Каната равнодушными глазами, в которых не было ни злости, ни ласки, грухо пролаял. Канат погладил собаку — не то ему стало жалко ее, не то хотел смягчить свое жестокое решение:

— Прости, Маргау. В городе тяжело. Ты калека. А у нас нет условий тебя держать, ухаживать за тобой. Что делать, придется отдать тебя в руки тех, которые езят с машиной и собирают собак. Другого выхода нет.

Маргау не издал ни звука. Казалось, он готов был мужественно встретить любой удар судьбы.

Маленькая машина тронулась. Она долго блуждала по улицам. Остались позади приземистые дома — вровень с землей, и важные — высокие, и длинные, и короткие. И улицы были разными. Одни короткие, как козлий хвост, — только началась и, глядишь, уже уперлась в тупик, другие длинные — сколько ни едешь, а конца все нет, и тенистые, словно зеленый лес у подножия гор, или голые, словно новорожденный, прямые, как чинара, или кривые, как ствол саксаула.

— Обычно они проходу не давали, куда же сегодня подевались эти собачники? — с досадой проговорил Канат. — Может, подъехать прямо к пункту приема собак? А где он, этот пункт?

Канат обратился к прохожему:

— Не подскажете ли, как проехать к пункту, где принимают собак?

Прохожий подошел к машине:

— Как вы сказали?

— Пункт по приему собак где может быть?

Прохожий заглянул на заднее сиденье, где, занимая всю машину, сидел Маргау.

— Извините, пункт по приему собак, говорите? Вы хотите сдать эту собаку? Если ошибся — извините...

Канат ответил уклончиво:

— Что вы... такую собаку... нет-нет...

— А-а, тогда другое дело, — обрадовался прохожий. —

И все же, зачем вам тот пункт, если не сдаете собаку? Если вопрос неуместен — извините великодушно.

— Будьте любезны, подскажите, если знаете, а если нет...

— Подсказать-то я могу... По следующей улице повернете направо...— Незнакомец помолчал, глядя то на Каната, то на собаку. Потом он прикусил палец:— Где собак принимают, говорите, а? Позвольте, а есть ли в городе такой пункт?

Канат не выдержал:

— Так бы и сказали, что не знаете.

— Так точно. Думал, знаю, а оказалось, нет...

Канат раздосадованно рванул с места. Прохожий крикнул вдогонку:

— Постойте, я вспомнил.

Канат притормозил.

— Извините, чем такую прекрасную собаку туда сдавать, отдали бы мне, а? Я бы, разумеется, заплатил...

Канат только теперь понял уловку прохожего.

— Что же вы сразу не сказали? А то крутили, вертели.

— Боялся обидеть вас, — через паузу ответил прохожий. — Кто мог подумать, что вы хотите расстаться с такой красивой собакой.

— Я бы не расставался с ней, но что делать. Покалечили ее.

— Ах ты, беда какая! А породу следовало бы сохранить.

— Если хотите взять, я не против.

Прохожий вне себя от радости протянул руку к собаке:

— Хороший песик...

Маргау прорычал: только дотронься, руку оторву!

— Не правится, а? Рычит...

Канат погладил пса:

Маргау хороший, Маргау не будет кусаться. Кста-

ти, где вы живете?.. Давайте подвезу вас вместе с собакой.

Прохожий с радостью открыл переднюю дверцу, чтобы сесть, но тут Маргау вскочил и рванулся на него. Канат и так и эдак уговаривал пса, и просил ласково, и ругал, но Маргау был неумолим.

— Ну, пеняй на себя. Отвезу на свалку или отдам живодерам.

Но Маргау был непреклонен. Канат пришел в ярость. Одна мысль владела им сейчас — избавиться от этой собаки. На углу одного из кварталов он повернул и заметил около большого магазина странную фигуру. Канату показалось, что где-то он уже видел этого человека. Стоит и, энергично жестикулируя, разговаривает сам с собой. Праздная толпа уличных зевак окружила его. Неожиданно Канат вспомнил и нажал на тормоз:

— Иван Иванович?

— Эй, люди!.. Поймите же! За последние два века природа дала миру двух своих великих сыновей. Имя одного из них — Сулейман, имя другого — Ахмет. Великий сын XIX века Сулейман состарился. Он уже не может возглавить стадо...

Оратор сделал паузу. В толпе шепот, усмешки.

— Что это за великий сын века? И причем тут стадо?..

Размахивая руками, Иван Иванович продолжал:

— Долгие годы Ахмет ходил рядом с патриархом Сулейманом как спутник и помощник. Когда тот спал, охранял его и отгонял мух, когда тот отдыхал. И однажды они оба исчезли. Люди по всему миру спрашивали: где они? Но никто их не видел. Через шесть лет, когда люди решили, что они погибли, Ахмет вернулся на родину, в Кению. А что случилось со старым Сулейманом, никто не знает. Скоро Ахмет занял его место в стаде. Место вожака. Подобно Сулейману, он был очень крупным, очень мощным и умным, и семьдесят лет кряду водил за

собой стадо через огни и воды, через ловушки, которые ставили враги, не давая в обиду никого из стада.

Сейчас Ахмет тоже постарел. Подобно своему великому наставнику Сулейману, он тоже избрал себе из молодых спутника и помощника и простился со стадом. Чтобы увидеть это чудо, я ездил в Африку. Прошел вдоль и поперек горы и джунгли Кении. Ходил по фантастическим тропам, которые проложили слоны за миллионы лет на каменных скалах...

— Я знаю этого старика,— сказал кто-то в толпе,— ни в какой Африке он не был.

Другой подхватил:

— Смотрите, какие побрякушки у него на шее — медали с собачьих выставок!

— О чем он толкует? Ни черта не поймешь,— сказал третий и удалился.

Канат вышел из машины и слушал, пытаюсь понять, к чему ведет Иван Иванович.

— ...Да, я исходил эти тропы на красных каменных скалах. Я искал Ахмета. Я мечтал увидеть его. Шли четвертые сутки. Мой проводник, кеннец, вдруг воскликнул с радостью:

— Вот следы Ахмета!

— Почему ты решил, что это след Ахмета?— спросил я.

— О, его след не спутаешь ни с чьим. Ахмет в два раза крупнее обычных слонов. Потому и след у него шире.

— Ой, да он про слонов рассказывает,— разочарованно протянул кто-то в толпе.

— Я наклонился к земле,— продолжал Иван Иванович.— И вправду, следы двух слонов. Меня поразило вот что: один из них был шириной с днище большого ведра, другой — с горловину.

Прошло два дня. Мы шли по следу. На третий день, утром, я увидел Ахмета, стоявшего в тени большого дерева. Рядом с другим слоном, еще не имеющим имени,

Ахмет казался горой. Подняв хобот, он срывал с высоких ветвей листья, а потом долго стоял без движения — видимо, почувствовал людей. Потом Ахмет поднял хобот и протрубил. Его спутник, который пасся неподалеку, подбежал к нему. После этого они, величаво вышагивая, двинулись вперед, туда, где лежали бесконечные равнины заповедника Кении. Там он будет вольно пасись и в один прекрасный день, подобно Сулейману, исчезнет. Да, это загадка, которую ни один человек не в силах решить: куда деваются слоны перед смертью? А пока Ахмет тоже до последнего вздоха будет бродить по привольной равнине. Потому что ни один человек не смеет поднять руки на то чудо природы. — И вдруг взволнованный Иван Иванович со слезами на глазах простер руки вперед: — О, люди! Что я сделал вам плохого? Где моя собака? Кто убил мою Джейхун? У какого жестокого зверя рука поднялась? — Голос Ивана Ивановича стал хриплым, руки и ноги дрожали.

— Старик-то с ума, видно, спятил. Болтаст, невесть что...

Канат так и застыл, стоя около машины. Казалось, он был единственным, кто понял старика. Слова Ивана Ивановича будто раскрыли ему глаза. Жгучий стыд за самого себя охватил его, и он смотрел то на старика, то на собаку. Он вспомнил прохожего — тот был куда честнее Каната. Какое бессердечие! Как он мог решиться на такое — уничтожить бесценную собаку, которая помогала отцу пасти скот и служила ему бескорыстно?! Калека? Так она стала калеккой, защищая честь отца, стараясь не предать его имя позору! Что он скажет Адыру, который выскочит ему навстречу, когда он вернется домой? А завтра отцу... Нет, Маргау надо сводить в ветпункт, показать врачам. Приняв такое решение, Канат решительно подошел к Ивану Ивановичу, который все еще что-то бормотал.

— Иван Иванович, здравствуйте! Вы не забыли меня? Помните, несколько лет назад я взял у вас щенка?

Иван Иванович перевел на него мутные, выцветшие и ничего не выражающие глаза.

— А... а? У тебя есть семнадцать копеек?

Канат протянул попавшийся в руки рубль.

— Нет, мне нужно семнадцать копеек, — махнул рукой старик. — Рубль и у меня есть. Семнадцать копеек надо... Семнадцать...

Иван Иванович задумался, потом нетвердо произнес:

— Я сейчас... Я принесу сдачу, всю...

— Хорошо, хорошо...

Иван Иванович, звеня медалями, тронулся с места:

— Гляди, не вздумай уйти! Подожди меня.

Этот старик, выживший из ума, горько страдает из-за пропавшей собаки Джейхун. А Канат не мог выдерживать трудности одной ночи. Спешит избавиться от Маргау. Устыдившись своих мыслей, Канат торопливо направился к своей машине, боясь, что Иван Иванович выйдет из магазина.

Встреча с Иваном Ивановичем круто изменила решение Каната. Он поклялся, что больше никогда не даст в обиду Маргау, которого беспомощным щенком взял в руки и согрел теплом своего тела...

Вскоре «Жигули» остановились перед домом с вывеской «Ветпункт».

Маленькая комната сверкала белизной. Его встретила медсестра:

— По какому делу пожаловали?

— Собаку мою покалечили, нужна помощь.

— Сейчас врач подойдет.

Когда Канат завел Маргау в кабинет, врач вскочил с места.

— О, да это же потомок собаки, что была у Ивана Ивановича!

— Да, оказывается, вы знаете его?

— Еще бы! Иван Иванович был кинологом, который

выращивал особенно крупных и прекрасного экстерьера собак.

Канат вздохнул, видно, оттого, что о старике было сказано в прошедшем времени.

— Я только что видел его.

— Пьет?

Канат не успел кивнуть, как врач ответил сам:

— Какой кристальной чистоты и честности был человек — чужой нитки не возьмет. Запил. Особенно после гибели собаки его просто не узнать.

— А кто застрелил его собаку?

— Кто знает. Разве мало на свете жестокости.

— И все же, — настаивал Канат.

— Иван Иванович в последнее время сторожил какой-то стронтельный объект. Видно, уснул. А вору ночью не могли проникнуть на стройку из-за собаки, пристрелили ее и сбежали.

— Этого пса тоже один бандюга покалечил.

Доктор долго ощупывал бедро Маргау. Сделал рентгеновский снимок. Наконец сообщил, что у Маргау сложный перелом. Сделал укол. Наложил тугую шину.

— Вы поздно обратились. Чутьку бы раньше — вылечили. Но теперь ничего не сделаешь — будет хромота, — сказал доктор.

Канат, огорченный, покинул ветпункт.

После того, как обработали рану, боль в бедре уменьшилась. Маргау уже мог ходить на трех ногах. И почти он стал проводить спокойно. Поэтому и Нагира не проявила недовольства.

Все это подняло настроение и у Адыра. Он теперь не вылезал из машины брата.

...Как-то раз Канат остановил машину перед большим домом, по обыкновению, оставил Адыра в кабине, а сам пошел, сказав: «Посиди».

Адыр ждал долго. Наконец, совсем устав от скуки,

он вышел из машины и подошел к большим дверям, которые со скрипом то открывались, то закрывались. Около двери с двух сторон висело множество блестящих вывесок. На одной из них Адыр прочитал: «Областная прокуратура».

Наконец появился Канат.

— Отец здесь?— спросил Адыр.

— Почему ты так решил?

— А вон же написано: «Прокуратура».

Канат ласково посмотрел на братишку:

— Да, отец здесь.

— А почему? Его же милиция забрала.

— Милиция ошиблась. Поэтому дело взята в свои руки прокуратура.

— Что им отец наш — игрушка, что ли? Почему они ошибаются? Во всем виноват Каргабек.

Канат насторожился при имени Каргабека и испуганно поглядел на брата:

— Говорят, отец первым поднял руку на Каргабека.

— Да что ты!— начал злиться Адыр,— Каргабек мало того, что покалечил Маргау, стал ругаться на отца матом. Отец сказал: «А ну повтори!» Подлый Каргабек еще раз повторил, и тогда отец с размаху ударил одного раз... Был бы я большой...

На глазах Адыра выступили слезы.

— Эге, да ты никак плачешь?...А ну, перестань! Я был только что у прокурора, объяснил ему, как было. Он обещал сам ознакомиться с делом.

Лицо Адыра сразу посветлело.

К вечеру Канат, Дабыр и Адыр вывели Маргау во двор. Все трое повеселели.

— Напрасно ты хвалил свою собаку, Адыр. Не могла с каким-то Каргабеком справиться,— сказал Канат.

— Она бы справилась. Пожалела его,— заступился Дабыр.

Адыр нахмурился:

— Что толку, что пожалела.

Неожиданно собака залаяла.

— А-а, значит, этот герой сам учит собаку всяким недобрым делам,— раздался знакомый голос. У Адыра сердце оборвалось: видно, он уже привык пугаться за Маргау. Увидев соседа-профессора, Адыр подбежал к нему:

— Дяденька, наклонитесь, я хочу сказать вам что-то на ушко.

Профессор согнул свое толстое тело, наклонился к Адыру.

— Дяденька, от Маргау все щенки получают крупные волкодавы. Одного из них, самого большого, я вам подарю.

Лысый профессор расхохотался:

— Спасибо Адыр.

— Маргау, знаете, какой умница?! Понапрасну не станет лаять. Он лает на тех, кто задумал плохое. А вы хороший человек. Маргау на вас не лает. Потому что вы не таите зла.

— Однако же твой пес только что облаял меня? лукаво проговорил профессор.

— Нет, он не облаял, это он поздоровался. Вы просто не поняли его. Он всегда так здоровается.

Профессора, видно, позабавил маленький дипломат, и он с улыбкой вошел в подъезд.

Вдруг к дому подъехала машина. Из нее вышел какой-то человек. Канату показалось, что он где-то видел этого парня.

— Киргиз Саршен просил передать привет.

— Слушаю вас.

— Вы — сын Лезбая, не так ли?

— Да.

— Мачеху зовут Умсундык?

— Да, Умсундык,— отчего-то волнуясь, подтвердил Канат.

— Так вот, эта самая Умсундык рассердилась, оставила отару и ушла.

— Как это — оставила отару?

— Вот так, ушла... Так передал Саршен...

Что делать? Хозяин отары — его отец. Умсундык не несет никакой ответственности за овец. Если вдобавок целая отара разбредется по рукам... Считай, все пропало.

Канат понял: в том, что ушла Умсундык, — его вина. Он тут же позвонил жене и все объяснил. Потом съездил на работу и, отпросившись на несколько дней, срочно выехал на джайляу. Надо хоть пересчитать овец и передать отару совхозу...

Маргау спокойно лежал в коридоре. Дети занимались с магнитофоном. У Каната и Нагиры была привычка записывать гостей на магнитофон. Возбужденные пьяные голоса, звук домбры, чьи-то струны чуть ревутся от ударов...

Перебирая коробки, на которых крупными буквами были написаны имена людей, Адыр случайно обнаружил коробку с именем отца: «1974 год. Весна, записано во время приезда в город». И подпись Каната.

— Эй, Дабыр, смотри — и отец наш здесь!

— А ну?! — склонился Дабыр. — Давай проиграем.

Он поставил кассету. Вначале звучала домбра. Потом: какая-то женщина, едва переводя дыхание — видно, переела за столом, — спела «Песню птиц». Адыра одолевало нетерпение.

— Фу, Умсундык-тате лучше поет.

Раздались рукоплескания. Непонятные шутки мужчин и женщин закончились общим смехом. Потом близкий голос отца: «Дорогие родственники!» Мальчики, отталкивая друг друга, прильнули к магнитофону. В этот миг лежавший спокойно Маргау наострил уши, вскочил и залился лаем. Потом прыгнул к магнитофону, стал спешно обнюхивать его, словно мышиную нору в степи — он искал Лезбая. Но его не нашел — не учуял запаха даже. Маргау, не обнаружив Лезбая в магнитофоне, видимо, пришел в негодование и, два-три раза сердито пролаяв, ударил тумбу грудью. Та полетела в одну

собрать магнитофон в другую. Мальчишки замерли от страха.

Нагира, принявшая приготовить обед маленьким гостям, забеспокоилась: «Уж не сошла ли с ума собака?» Как ни терпела она, но ей очень нелегко выносить пса: мало того, что нахлебник, а сколько хлопот и беспокойства с ним?! Что делать? Уж не вызвать ли собачников? Свекор обидится? Ну, пообижается да перестанет, ведь даже смерть человека переживается... Не разводиться же с Канатом из-за какой-то собаки. Да и если что — помиримся. Укрепившись в этом решении, Нагира подняла телефонную трубку:

— Алло!.. Алло!.. У нас тут одна покалеченная собака живет. Совсем из-за нее покой потеряли: и мы, и соседи. Не могли бы вы забрать ее? Сделайте одолжение, расходы я беру на себя. Пришлите машину. Да, не выдавайте... Договорились, да?

Нагира положила трубку и с облегчением вздохнула. Сегодня магнитофон разбил, а завтра, может, на когонибудь из детей набросится, кто знает? Нет, лучше все-таки избавиться...

Адыр чуток. Он тут же уловил телефонный разговор:

— Женгей, куда ты хочешь отправить Маргау?

— Да есть один доктор, обещал вылечить Маргау. Я ему звонила... — вывернулась Нагира.

Адыр недоверчиво посмотрел на нее. Нагира как ни в чем не бывало пригласила к столу:

— Ну, дети, мне некогда. Идите обедать.

Мальчишки молча сели за стол. Маргау без звука лежал на своем месте в коридоре.

— Женгей, не отправляй Маргау никуда, пожалуйста.

— Я же сказала: обещали вылечить.

— Не надо, пусть не лечат.

Нагира не успела ответить. Маргау забегал по коридору взад и вперед на трех ногах, подняв неистовый лай. К этому добавился голос Адыра, полный отчаяния:

— Ой, женгетай! Это приехали; чтоб забрать Маргау. Я же слышал! Ты не к доктору хочешь отправить, а к собачникам! Не отдавай Маргау, пусть никто не лечит!

Пес совсем обезумел: не то от ярости, не то от радости, непонятно. С громким лаем он стал прыгать на дверь, Адыр закричал громче:

— Маргау хочет на улицу. Не видишь, дверь царапает. Дай, я выведу Маргау на улицу! Выведу его и прогуляю!

Нагира не ожидала, что дело примет такой оборот. Она рассчитывала тихонько открыть дверь и сдать пса, пока ребята обедают на кухне. Что же теперь делать?

Маргау с лаем вновь кинулся к двери. Нагира опешивала, не зная, что предпринять.

— Ну, хорошо, выведи его!— сказала она наконец. Голос был резок.

Адыр открыл дверь. Маргау выскочил наружу...

А странное поведение собаки объяснялось очень просто: Лезбай был освобожден и теперь уже подходил к двери. Старого чабана первыми встретили не сыновья, не милая невестка, почитающая свекра, а преданный друг, который и в летний зной, и в лютый мороз не оставлял его и был всегда рядом, словно тень — пес Маргау. Положив передние лапы на плечи Лезбая, Маргау уткнулся носом в ворот хозяина и тихо скулил.

У чабана навернулись слезы.

— Ну, хватит, хватит, Маргау, видишь, я совсем пришел,— Лезбай погладил собаку.

Дом, который стал детям и Маргау пристанищем, озарился весельем. Истосковавшиеся дети наперебой рассказывали отцу о событиях последних дней.

Нагира подала чай. Старший — Лезбай, на почетном месте, дети рядом — слева и справа. Маргау, сразу успокоившийся, положив морду на ноги Лезбая, лежит тут же. Адыр, взяв кусок хлеба и наклонившись под стол, вдруг воскликнул:

— Аке, гляди: Маргау плачет!..

— Что ты, разве собаки плачут?!— Нагира тоже наклонилась.

И Лезбай, и Дабыр, отодвинув стулья, заглянули под стол. Адыр оказался прав. Маргау, так упорно боровшийся с болью, едва избежавший смерти и изнывавший от тоски по хозяину, теперь лежал, обретя покой, и слезы, скопившиеся в самой глубине собачьей души, куда не в силах заглянуть ни один человек, прозрачные капли слез свисали на шетинистых ресницах и беззвучно сползали на ковер...

— О, господи, и впрямь как человек плачет!..— сказала Нагира.

— А ты, тате, хотела сдать такую умную собаку...

Лезбай встрепенулся:

— Куда? Как «сдать»?

Нагира, укорявшая себя за поспешный поступок, пересилила неловкость и все объяснила свекру. И тут же, набрав номер, отказала в вызове.

Лезбай, душевно надломленный, выглядел старцем. За полмесяца столько событий: дети, как скитальцы, оказались в Алма-Ате. Умсундык закрыла тундик его юрты, погасила очаг и ушла. А невестка, которую он считал разумной, поступила вон как. «Нет, не время тут разлеживаться, загостился я уж в этом городе. Пора восвояси. Надо вновь раздуть погасший очаг, открыть закрытый тундик».

Лезбай отпил несколько глотков чая, забрал с собой детей и собаку и отправился в аул.

Глава пятая ОТЧУЖДЕНИЕ

Как только миновали перевал и спустились в долину, Маргау заволновался. Родная земля, родное приволье, как тосковал он вдали от вас! Здесь можно дышать полной грудью. А вон и знакомые отары, овцы, уткнувшиеся в зеленую траву, рассыпались по пастбищу. Никакой суеты. Маргау высунул голову в открытое окно машины, раздул ноздри: кони, овцы — не сравнимый ни с чем аромат джайляу. Он выскочил бы из машины и летел по широкой зеленой равнине, над которой нависла эта томная тишина!.. Но нога безжизненна. Надо опять терпеть.

Машина подкатила к знакомой юрте. Ребятишки выскочили с радостным криком:

— Домой приехали, мы дома!

Маргау выпрыгнул вслед за ними и, скача на трех ногах, торопливо стал все обнюхивать. И юрта, и плетень, и кошары — все на месте, все тот же родной запах, но все заброшено. Дом без хозяина — сирота. Никаких признаков жизни. Где овцы? Умсундык? Гнев и обиду почувствовал Лезбай и отвернулся, чтобы дети не заметили его растерянности.

Что же произошло с Умсундык? Ни разу Лезбай ее не обидел. Слова поперек не сказал. Даже когда она была не права, он всегда уступал, чтобы не обижать женщину. Почему она ушла, неужели не хватило сил выдержать какие-то две недели?

Мысли отца прервал Адыр:

— Она и вправду ушла? — Щеки надуты, мальчик едва не плачет.

У Дабыра радость тоже как рукой сняло:

— Во всем Канат виноват.

— А чем он виноват? — заинтересовался Лезбай.

— Он же наругал Умсундык, когда увозил нас.

— Ах, вон оно что, — протянул Лезбай...

А Маргау? У него свои заботы. Он ходит, обнюхивая места, где лежал, где сидел, где ел, добрался до кошары, где еще держался запах овец. Собака еще пошарила, принюхивая ко всему, пролаяла басовито два-три раза и, припрыгивая на трех ногах, устремилась вверх по косогору в степь. Лезбай не стал останавливать пса. Похоже, в доме кто-то ночевал. Овечий помет еще не успел подсохнуть. Может, Умсундык вернулась, а утром выгнала овец на луга? Взглядом Лезбай провожал Маргау, который и на трех ногах уже далеко ушел, превратившись в черную точку, а потом совсем слился с отарой. Вдруг вдали показался всадник.

— Кто бы это мог быть?

— Не иначе, Умсундык, — сказал Дабыр.

— Рядом с Маргау черный пес. Если это Умсундык, то откуда могла взяться собака? — спросил сдержанно Адыр.

— Может, вернулся Рыжий?

— Рыжий! Какой Рыжий, рядом — черная собака Саршена.

Дабыр умолк. Вскоре к ним подскакал всадник. Киргиз Саршен.

— Оу, Лезбай, вернулся, брат! Жив-здоров? Главное — не унывай. А что касается женщины — была бы шея, а хомут всегда найдется. Отара твоя цела. Убытка нет, разве что прибыль кой-какой будет. Сосчитай и прими.

Лезбай был растроган:

— Эй, Саршен, слезай с коня. Обнимемся как мужчина с женщиной, грудь к груди. Пятнадцать дней мне показались длинней, чем пятнадцать лет. Соскучился по тебе.

Лезбай еще раз убедился в порядочности своего давнего друга Саршена. Когда Умсундык, обидевшись на Каната, бросила отару, Саршен пришел на помощь. Он передал свою отару жене и помощнику, а сам приехал

к Лезбаю, вывел два дня лежавшую взаперти отару на пастбище. Лезбай почувствовал даже неловкость.

— В тот год, когда ты просил у меня собаку, я не смог выполнить твою просьбу. Ты прости меня, мне стыдно сейчас тебе в глаза смотреть. У меня есть стригунок и жирная телка-двухлетка — бери, кого пожелаешь.

Саршен смеялся так, что воздух сотрясаясь во-круг.

— Если я день-другой пас твоих овец, так думаешь — за плату? Проезжаю раз — отара заперта, на другой день — тоже. А блеют — аж на том берегу слышно. Мы ведь оба с тобой чабаны. Ты не кори себя, Лезбай. Другое дело, просил бы верблюда, да ты не дал — вот тогда бы обиделся. Собаку не дал — зато подарил породу. Вот этот Кыргыз — потомок твоего Маргау. Если скажу, что он лучше отца, подумаешь — хвалюсь. Скажу, хуже — значит, недооценил. Прошлой зимой один трех волков задавил.

Повеселевший Лезбай только теперь взглянул на собаку. Маргау и Кыргыз лежали рядом почти как близнецы. Несомненно — порода одна. Кыргыз только был чуть меньше отца, не было у него пятен — горошин на бедре, а во всем остальном — точь-в-точь Маргау: прекрасная стать, мощное сложение. Лезбай с любопытством разглядывал их. Особенно поразило его то, что оба пса лежали рядом. А ведь это была их вторая встреча. Все равно — будто сызмальства росли вместе.

— Нет, Саршен, сказано — сделано. Не пустые это слова. Одно из двух — по твоему желанию.

— Я, Лезбай, сказал «нет». Не будем торговаться, главное, ты вернулся. Теперь прими угощение в доме киргиза. За скотом дети и собаки присмотрят. Едем, садись на коня.

Помедлив, Лезбай последовал за Саршеном.

Маргау, который вчера снова обрел свободу и обегал чуть ли не всю степь, сегодня не мог сдвинуться с места. Нога ныла еще сильнее — боль не давала возможности даже подняться. С невероятными усилиями ему удалось дотащить свое тело в затененную часть юрты, где он и улегся. Овец пошел пасти Дабыр. А Адыр продолжал свои игры на берегу речки.

Лезбай, выгнав утром овец, скоро воротился домой. Положив седло под голову, долго лежал не шелохнувшись. Наступил полдень, когда Лезбай вдруг резко поднялся, привел коня и стал седлать его. Маргау вскочил, чтобы сопровождать хозяина в пути, но острая боль свалила его. В это время и подъехал Канат. Маргау несколько раз пролаял, приветствуя Каната, но тот, не обращая внимания на собаку, устремился к отцу:

— Отец, я говорил с прокурором перед самым твоим выходом. Обещали освободить. Значит, сдержали слово.

Лезбай жестом остановил Каната:

— Выехал из дому позавчера, где же ты все это время болтался?

— Позавчера я был здесь. Киргиз Саршен сказал, что попасет твоих овец, и я поехал на центральную усадьбу совхоза. Пришлось долго ждать директора.

— И много ты успел? — язвительно спросил Лезбай.

Вокруг имени отца — Канат слышал — ходило много всяческих кривотолков, которые оскорбляли не только его самого, но и всю семью его, и сын, не выдержав, сорвался:

— Аул полон слухов. Сгореть со стыда можно. Пора снять с нас это клеймо.

— Хватит! Умник нашелся. Поучать другого — это еще не признак ума. Ты в городе. А я с малышкой в степи. Я тебе отец, ты мне сын, но у нас очаги разные. Да, умру — знаю наверняка — ты похоронишь меня. Но пока — кто меня поддержит? Кто напиться подаст? Ты об этом подумал? — Лезбай говорил не так резко,

но слова его, словно удары камчи, обрушивались на Каната, и тот испуганно спросил:

— Уж не собираешься ли ты пасть в ноги Умсундык? Если она хоть раз переступит порог этого дома, можешь не считать меня своим сыном.

— Что ж, могу и не считать. Пока не сажу у печки. И кроме тебя сыновья есть. Ничего, проживу. Но мне жалко тебя. До сих пор ешь, пьешь и прочее у нас. Если разъезжаешь на машине, то тоже благодаря вот этому никчемному отцу твоему, — ткнул кулаком себя в грудь Лезбай. — А отец-то, он у тебя один. Потеряешь, что с тобой станет?

— Можешь не беспокоиться.

— Тогда и ты обо мне не беспокойся.

Канат замолчал, не найдя, что ответить.

— Я слышал, ты с трудом отпросился. Пока светло, доберись до дому, чтобы успеть завтра на работу. А то стыдно будет. — В голосе Лезбая появились мягкость и теплота.

Убедившись, что отговаривать отца бесполезно, Канат распрощался и уехал.

Лезбай долго сидел в оцепенении. Маргау, молчаливый свидетель разговора отца с сыном, подполз к хозяину.

— Э-эх, Маргау, Маргау, ты калека, я одинокий, что делать будем?

Если бы Маргау, который угадывал малейшее движение души своего хозяина, мог говорить, он бы сказал: «Свою честь мужчины защищают даже смертью. Сыновья твои правы. Не ступай больше на тропу, где растоптали твою честь. Кто будет у твоего изголовья в смертный час, кто подаст воды, как не ближайший друг?» Но Маргау не умел говорить, он лизнул хозяину ухо и ударил пару раз хвостом по земле.

Лезбай глубоко вздохнул и подошел к коню:

— Нет, так нельзя. Надо выяснить все до конца.

...Солнце перевалило за полдень. Дабыр верхом

подъехал к юрте, попил коже и снова направился к отаре. Адыр у речки. А Маргау, он не среди овец, он без дела лежит в тени юрты... Такого позора с ним еще не бывало...

Уже недалек закат. Сейчас овцы, оттесняя друг друга, потянутся к реке на водопой. Потом еще немного попасутся, а там и вечер наступит. Ворота откроются настезь, и овцы заполнят собой загон.

Маргау до мелочей знает всю жизнь отары, знает и свое место в ее жизни, но нет сил двигаться.

...Сгустились сумерки. Лезбая все нет. Приехал сосед Саршен:

— Отец еще не вернулся? Видно, крупный разговор вышел. А вы ложитесь, спите. Ночью я разок-другой загляну — что мне, только речку перейти...

И уехал.

...Поднялась луна. Маргау по старой привычке прошел к плетню и улегся там.

...Настало утро. Овцы чабана-киргиза на том берегу уже паслись на пастбище. Маргау подошел к двери и долго лаял: «Вставай. Дабыр, люди погнали овец на луг. Пора выгонять и наших».

От собачьего лая проснулся Адыр. Он стал упорно расталкивать Дабыра.

— Проснись. Отец не вернулся. Вставай, пойдем овец выгонять.

Собака разбудила Адыра, Адыр — Дабыра, словом, отара Лезбая, наконец, вышла из загона. Саршен похвалил ребят:

— Я нарочно запоздал, дай, думаю, погляжу, просят ребята или нет. Молодцом, мальчишки. Вы уже становитесь джигитами.

Опять настал полдень. Маргау некоторое время плелся за отарой, ковыляя на трех ногах, но потом вернулся к юрте: не давала покоя нога. Неожиданно послышался гул мотора. Но Маргау не только не кинулся навстречу, как бывало прежде, а лег подальше от глаз.

Показался груженный доверху грузовик, вскоре он остановился у юрты. Следом, на взмыленном коне, подыехал Лезбай. Он спешился и сказал:

— Ну, Умсундык, вот твой дом. Без хозяйки дом — сирота. Бери бразды, управляй.

Умсундык с достоинством вышла из машины. Сдвинув брови, пристальным взглядом окинула юрту, двор.

Лезбай опустил ся около нее:

— Ты тоже хороша! Нашла на кого обижаться!.. Он хоть и сын мой, но каждая речка по своему руслу течет. Он в городе, я — в степи. Не он, я принес тебе поклон.

— Ну хватит. Со вчерашнего дня твердишь одно и то же. Уж не стал ли ты болтуном на старости лет?

Лезбай замолчал, стал сгружать с машины утварь и таскать в дом. Умсундык, засучив рукава, пошла ему помогать.

Маргау заметил шрам на ее руке — следы его клыков. Ему вдруг вспомнилась история того дня, и он глухо зарычал. Умсундык испугалась, она только теперь заметила собаку:

— Опять эта собака здесь?

— Приезжаем, а он лежит у порога, — соврал Лезбай.

Умсундык не проронила ни звука. Но брови нахмурилась.

Так прошло несколько дней. Склоны гор уже возвещают о приближении осени. Листья берез пожелтели, тополь окрасился багрянцем, но травы, словно подражая карабкающимся высоко в горы елям, стоят еще зеленыс.

Был чудесный погожий день. Умсундык и Лезбай вели долгий разговор.

— Если так, зачем же притащился ко мне чуть ли не на коленях? — повысила голос Умсундык.

Лезбай не ответил. Молча прошел в загон и, поймал жирного валуха, вскоре освежевал его. Точно так же

было полтора месяца назад. Только день не пасмурный, а ясный, и овцы на выпасе. В казане, булькающая, варится мясо молодого барашка.

Лезбай и Умсундык ждут дорогого гостя.

Так же, как в тот день, черный пес лежит у плетня, положив морду на лапы. Но состояние не то, что прежде. Выйдет один день с отарой, два дня лежит, не в силах двинуться. Может, поэтому и Лезбай часто забывает про него. Все реже Маргау слышит окрики: «На, на! Взять!» Иной раз он подолгу лежит с мольбой в глазах, ожидая, когда же хозяин окликнет его. Прошлое — все ушло, осталась тоска по нему. А если собака не слышит ни ласкового зова, ни приказаний «взять, ату!» — значит, она самое жалкое существо на свете.

Маргау лежит в сторонке, тяжело переживая свое бедственное положение.

И опять гул мотора заставил пса вздрогнуть и поднять голову.

— Едут! — Умсундык выбежала из юрты.

— Они ли? Или кто другой? — Лезбай уставился на дорогу.

По той же самой дороге подкатила, пыля, машина и остановилась на том же месте. И люди те же. Каргабек, Таспай, Баспай. Те же самые слова.

— Вот этот парень — мой зять, а этот — племянник. Оба учатся в Алма-Ате. Приехали в аул, а я их забрал, чтоб посмотрели джайляу...

Лезбай холоден и сдержан. Только Умсундык суетится: «Добро пожаловать!..»

— А ну, джигиты, где там наш гостинец, захватите с собой! — небрежно крикнул Каргабек.

Парни сняли с машины ящик с коньяком и шампанским и поставили на землю.

— Ой, что это вы — питье и еда и у нас найдутся, — проговорила Умсундык, почувствовав неловкость.

Каргабек и слушать не хочет:

— Не потому, что у вас нет. Какую-то вино и мы

чувствуем перед дядюшкой. Это вот — наша откупная.

Лезбай слабо улыбнулся.

Маргау, до этого глядевший на Лезбая одобрительно, недовольно прорычал: «Умри, но не склоняй головы!»

Каргабек попятился в испуге:

— Как, этот пес все еще здесь?

Лезбай с осуждением посмотрел на свою собаку. Маргау понял это и, виновато заскулив, проковылял несколько шагов и лег подальше.

Гости вошли в дом.

Та же картина, что тогда: Лезбай у порога, особняком, Таспай и Баспай на почетном месте. Слева от них полулежит на правом боку Каргабек, подложив подушку под локоть. Неподдалеку — Умсундык.

Каргабек поднял голову.

— Я сейчас не хочу говорить о работе. Это совсем другой вопрос, отдельный. Я хоть и заведующий фермой, но приехал не по долгу службы.— Каргабек сделал паузу и поднял палец на Лезбая.— Этот человек — мне старший брат. Я приехал, чтобы отдать ему салем, поклониться, как младший. За это я и выпью...

Все выпили. Лезбай не дотронулся до стакана.

Умсундык была обходительна, дальше некуда.

Звон стаканов раздавался чаще. Шумно открывалось шампанское. К неприятным запахам алкоголя прибавились бессвязные громкие голоса сидящих в юрте.

— А ну, братья!— Это Каргабек пытается всех перекричать.— Я смотрю, старик все еще хмурится.

— Нет, он не хмурится,— вмешалась Умсундык,— еще вчера, когда пришла весть, что ты едешь, он все простил.

Голос Каргабека звучал громче:

— Конечно, что простил, это хорошо. А давайте-ка, как люди, глубже посмотрим на это дело. Из-за чего весь сыр-бор? Из-за какой-то собаки... Из-за нее повздорили. Из-за нее подрались. Послушать со стороны — стыдно аж. А если мы, по-братски, не простим друг

другу той ошибки или, вернее, глупости, то кто же мы?..

Баспай и Таспай кивали головами.

— А разве я неправ?.. Не-не. Мы еще хуже собаки станем, если зло будем помнить!

— Чистую правду говоришь,— поддакнула Умсундык.

— Поэтому я, прямой человек, не люблю много говорить,— вновь поднялся Каргабек.— Ты старший брат. Леке, а я с тобой, сам того не желая, поступил по-собачьи. Я признаю свою вину и вот приехал просить прощения. Хочешь, голову отруби — твоя воля. Помилуешь, буду рад.

Парни заговорили наперебой:

— Надо по-мужски обняться, грудь к груди.

Каргабек вскочил с места.

— Не отвергай разумные слова, встань,— проговорила Умсундык, беря Лезбая под руку.

Чабан не стал противиться. Распахнул объятия подошедшему Каргабеку:

— Спасибо, Каргабек, за то, что как младший пришел виниться. Я ведь тоже... не смог сдержаться. Ты тоже прости меня.— Видно, у Лезбая на глаза навернулись слезы, потому что голос дрогнул.

Маргау, увидев, как Каргабек и Лезбай обнялись и целуются, громко чмокая, вскочил и яростно залаял: «Эй, люди, вы ведь прекрасно знаете, какая тайна лежит между вами троица. Умсундык — законная жена Лезбая и Каргабеку это известно, и Лезбай знает, что произошло между Каргабеком и Умсундык. Нет, не собака вас рассердила. Почему делаете вид, что ничего не знаете? Почему со слезами на глазах притворяетесь, лицемерите, люди?!»

Каргабек, услышав лай собаки, замер:

— Эй, Леке, если правда, что ты простил меня, избавься от этой собаки. Я тебе такого пса найду...

Умсундык заговорила с ним в один голос:

— Раньше говорил: овец помогает пасти. Ну, а сейчас какое оправдание найдет?

Лезбай, видно, не нашел оправдания.

— Как избавиться?— неуверенно проговорил он.

— Вывел в степь, ба-бах!— и нету,— с издевкой проговорил Каргабек.

— Нет, Маргау слишком дорог для меня. Рука не поднимется. Собака, а жаль. Да и грех!..

— Тогда это сделают Баспай или Таспай,— упорствовал Каргабек.

Подпившие парни дружно выразили готовность:

— Да если Каргабек-ага скажет, мы не то, что собаку...— и замолчали.

Акт на Лезбая подписали эти двое молодчиков — Баспай и Таспай. Видно, Лезбай вспомнил об этом:

— Что? Хотите сказать, и меня можете пристрелить?— вспыхнул чабан.

Каргабек откинулся и продолжал с некоторой угрозой:

— А вот тут вопрос ребром: или — или. Если эту мою просьбу не выполнишь... Предупреждаю: встретимся один на один.

— Ой, этот черный пес обернулся для нас бедой черной!— заверещала Умсундык.

Лезбай вскочил с места и впервые заорал на жену:

— Ух, скотина, не пикни!— и навис над Каргабеком:— Чем ты мне угрожаешь: разграбишь мой дом, угонишь скот — так, что ли?

— Кое-что и похуже будет.— В голосе Каргабека уже угроза.

— Похуже? Делай, подлец! Что, может быть, еще один акт составите втроем? Еще раз упрячете за решетку?— Лезбая душила неожиданно вспыхнувшая ярость.

— Оу, Лезбай...— Каргабек пошел на попятную.

Но Лезбай расшвырялся всерьез:

— Я же не звал вас, какого дьявола надо вам от меня? А ну, убирайтесь вон!

Все трое замерли от неожиданности. Умсундык попыталась успокоить мужа своим ласковым, елейным голосом:

— Хозяин нашего дома, ты выгоняешь гостей, что с тобой?!

Лезбай оборвал ее:

— Если у тебя с Каргабеком пуповина срослась, и ты тоже уходи!

Маргау не понимал слов, но понимал, что схватка становится все яростнее. Чем кончаются такие посиделки, он тоже хорошо знал, испытал на своей шкуре. Если сейчас Каргабек кинется к нему, как было в тот раз, Маргау не сможет даже защититься. Это чувство дремало в нем. Задрав морду к небу, он протяжно завыл, потом пролаял и, волоча ногу, пошел от юрты. Он перебрался через ручей к густо заросшему кустарником склону горы. Не стал заглядывать в тальник, где прятался в тот раз. Чем выше поднимался он по склону, тем четче вырисовывалось русло реки, и все меньше становилась юрта чабана на берегу.

Вдруг раздался голос. Дорогой голос Лезбая.

— Маргау, Маргау! На, на!

Маргау обернулся. Возле дома Лезбая стоят пятеро: Умсундык в белом платке, один высокий, другой — ниже — это Баспай и Таспай. А тот, что похож на ступу — Каргабек.

— Маргау, Маргау! На, на! — протягивал руку вперед Лезбай.

В чем смысл этого зова?.. Помощь ли просит у Маргау Лезбай, оставшийся в одиночестве, или это ловушка? Маргау не повернул, а поднимался все выше и выше по склону.

Голос Лезбая все еще доносился четко и ясно. Маргау... Эти звуки ласкали его слух с того дня, как он открыл глаза, теперь они были лишены смысла.

А Кыргыз? А Сары-каска — что в этих звуках?.. Просто люди придумали их, чтоб отличать одну собаку от другой... Для Маргау теперь такие клички ни к чему. Теперь черная собака с белой мордой станет различать встреченных на пути лишь по внешнему виду и запаху, по клыкам и силе.

— Мар-гау!.. Ма-а-р-г-а-у!..— услышал пес тоненькие, прерывистые голоса детей.

Маргау резко остановился и посмотрел вниз. Два мальчика отошли подальше от всей компании и звали его наперебой.

— Маргау! Ты куда девался, Маргау! Иди сюда! На, на!

Пес некоторое время еще прислушивался к зову, рожденному чистой, детской любовью, бесхитростной, бескорыстной. Он глухо простонал. А вскоре продолжил свой путь. Чем дальше он уходил, тем слабее доносились людские голоса.

Через некоторое время черный пес, прыгая на трех ногах, скрылся в густом сосняке...

ЭПИЛОГ

Наступила осень, а следом за ней — зима, выпал снег и плотным слоем прикрыл землю. Отара Лезбая на зимней стоянке. Как всегда, чабан в погожий день поутру выгоняет овец. Запирать отару в теплую кошару не спешит — чем позднее, тем лучше. Из трубы валит клубами дым — не погас очаг, есть жизнь в доме. Маргау, ушедший осенью, как в воду канул. Дети — на центральной усадьбе совхоза, учатся в школе. Адыр пошел в первый класс. Из школы пришла добрая весть: Адыра после двух месяцев учебы перевели во второй класс. Глядишь, к весне обгонит Дабыра и перейдет в третий, пишет учитель. Неуверенной детской рукой написал и сын от-

цу: не скучай, не горюй, что один. Летом приеду на каникулы и буду все лето с тобой вместе овец пасти.

Лезбай в последнее время изменился, стал замкнутым, молчаливым. Не льнет, как прежде, к Умсундык, которая стала обижаться на мужа. В один из таких хмурых вечеров Умсундык сказала с раздражением:

— Если так будет продолжаться, уйду!

После разговора с Канатом Лезбая начали одолевать сомнения и неуверенность, и он не стал уговаривать Умсундык:

— Забирай из этого дома все, что пожелаешь, и иди!

Умсундык ничего не ответила. Собрала вещи и ушла, уверенная: «Придешь еще, кинешься в ноги». Лезбай, однако, не пошел на поклон.

Вскоре за пьянство, разгул, безответственность был освобожден от должности Каргабек. Новый заведующий фермой оказался парнем порядочным, воспитанным, деловым.

Хоть и тяжело одиночество, но Лезбай, сбросив тяжелый душевный груз, который взвалили на него Умсундык и Каргабек, почувствовал в себе легкость. Да, собственно, он уже и не так одинок. Директор совхоза дал ему помощника — подпаска. Теперь они вдвоем. И все же, видно, из-за того, что нет Маргау, в буранные дни волки кружат вокруг кошары, лишая покоя Лезбая. Убеденный, что без хорошей собаки чабану никак не обойтись, он однажды поехал в райцентр и позвонил Канату:

— Сынок, как ушел Маргау, худо нам стало. Если не встретишься с тем человеком, у которого тогда брал собаку, и не возьмешь у него щенка, мы пропадем.

У Каната отлегло от сердца.

Отец просил, надо искать. Канат направился к домику на берегу Алмаатинки. Но на месте домика Ивана Ивановича стояло теперь громадное многоэтажное здание. Канат останавливал всех, кто мог оказаться жильцом этого дома:

— Раньше здесь жил кинолог Иван Иванович. Не подскажете, где он сейчас?

Но никто не мог вспомнить старого кинолога...

Огорченный Канат внезапно вспомнил врача из ветеринарного пункта...

— А, Иван Иванович?— врач достал из ящика стола блокнот.— Вот его адрес...

Оказалось, что Иван Иванович живет теперь в одном из высотных домов на краю города. Дверь открыла рыженькая девушка.

— Иван Иванович?

— Да, Иван Иванович. Кинолог. Он разводил породистых собак.

— Вам дядя Ваня нужен? Так он же умер...

Лезбай узнал о смерти Ивана Ивановича и стал грустить, теперь все чаще вспоминая своего Маргау. Чабан был уверен, что нога у Маргау зажила и что он, как это было в тот раз, остался на джайляу. Лезбай настолько сроднился с этой мыслью, что стал перебирать старые вещи — все ли на месте. Потом поехал к соседу Саршену, и вместе с ним они прочесали в несколько дней все леса на джайляу.

А в народе все ходят разные слухи: кто-то видел, как черная собака выла на холме Айган... Один аулчанин застал Маргау в степи, когда тот насмерть бился с матерым волком... Видели черного волка во время охоты в лесу...

Лезбай исходил и изъездил все места, на которые указывали люди. Но все напрасно. И все же он не теряет надежды: вот-вот наступит весна. Отары вновь направятся на джайляу. И вполне возможно — разве нет?— выйдет Маргау из-за холма Айган и, ласкаясь, прижмет мордой к ноге Лезбая...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава первая.</i> СХВАТКА .	3
<i>Глава вторая.</i> СЛЕДЫ ПРОШЛЫХ ДНЕЙ .	24
<i>Глава третья.</i> ОДИНОЧЕСТВО	59
<i>Глава четвертая.</i> СКИТАНИЯ	74
<i>Глава пятая.</i> ОТЧУЖДЕНИЕ	97
ЭПИЛОГ	109

Для старшего школьного возраста

Сафуан Шаймерденов

МАРГАУ

П о в е с т ь

Перевод с казахского

Редакторы *И. Алтаева, М. Жанузакова*

Художник *С. Каржаубаева*

Художественный редактор *Н. Бубэ*

Технический редактор *Т. Габдулина*

Корректор *Т. Даниярова*

ИБ № 1915

Сдано в набор 29.10.80. Подписано к печати 30.01.81. Формат 70×108/32. Бумага тип № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. П. л. 3,5. Усл. п. л. 4,9. Уч.-изд. л. 5,1. Тираж 24 000 экз. Заказ № 1453. Цена 15 коп.

Издательство «Жалын» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143. Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

Отпечатано с фотополимерных форм